

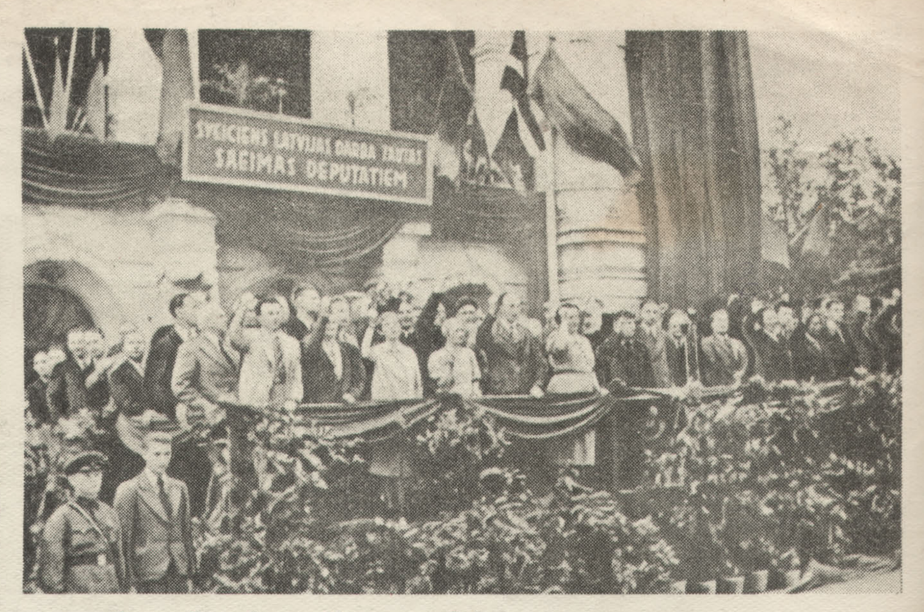
Огонек
23

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДНИ

В Президиуме Литовского Народного Сейма в момент принятия декларации о вступлении Литвы в состав Советского Союза. Слева направо: рабочий Григолавичус, член Государственного контроля Адотауснас, министр внутренних дел Гедвилас и писатель Венцлова.

Фото М. Бернштейна (ТАСС)

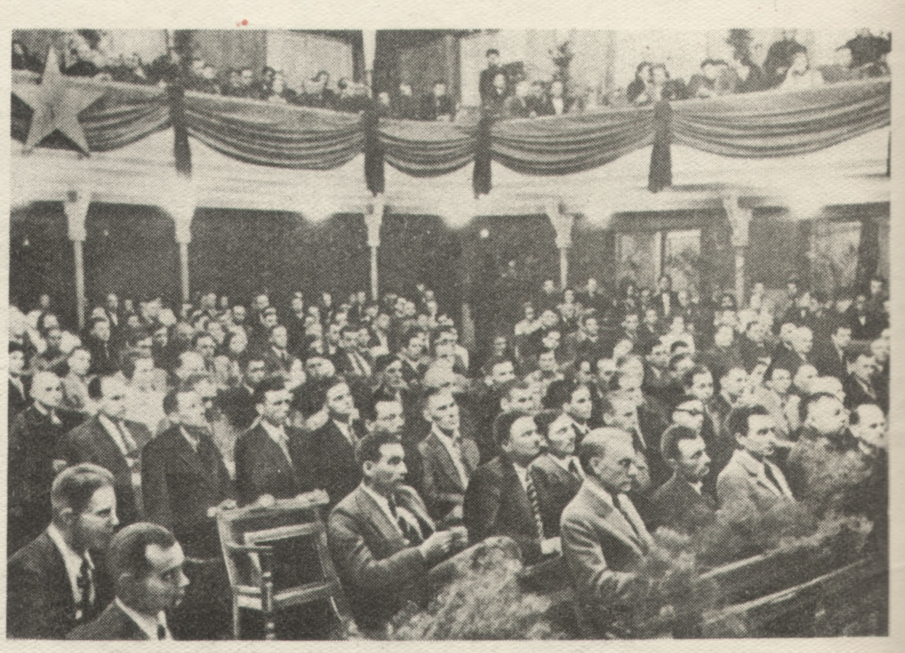
Члены Латвийского Народного Сейма приветствуют демонстрантов.

Фотоклише ТАСС

На заседании Литовского Народного Сейма в момент принятия декларации о вступлении Литвы в состав Советского Союза.

Фото М. Бернштейна (ТАСС)

Общий вид заседания Латрийского Народного Сейма.

Фотоклише ТАСС

Историческое заседание Эстонской Государственной Думы. На снимке — в Президиуме Думы.

Фотоклише ТАСС

На обложке: НА 7-й СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР. Слева направо: член полномочной делегации Народного Сейма Литовской Республики Г. Палецкиене, Герой Советского Союза М. М. Громов, премьер-министр Литовской Республики Ю. Палецкис, крестьянка член литовской полномочной делегации М. Курайте. Фото П. Трошкина. На последней странице обложки: санаторий Яремче, Львовской области. В часы досуга. Фото Г. Зельма и Н. Колли.

18-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 23
(710)
вторник, 20 августа
1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

СТАЛИНСКИЕ СОКОЛЫ

Дважды Герои Советского Союза генералы-лейтенанты авиации (слева направо): Григорий Пантелеевич Кравченко, Яков Владимирович Смушкевич и Сергей Прокофьевич Денисов.

Фото С. Гурарий

Вас. Лебедев-Кумач

ОЙ ТЫ, ЯСТРЕБ-ЯСТРЕБОЧЕК!

(Песня истребителей)

Ой ты, ястреб-ястребочек,
Боевой ты наш дружочек,
Мы, любуясь и любя,
Грянем песню про тебя!

Про тебя, товарищ милый,
Ястребок наш легкокрылый,
Про широких два крыла,
Про геройские дела!

Быстрый, легкий и
послушный,
Ты силен в борьбе
воздушной,
Боевой товарищ наш —
Ты в обиду нас не дашь!

Пролетают ястребочки —
Огневые гаснут точки,
В небо взвился ястребок —
Враг пустился наутек.
Видит горы и глубины
Глаз привычный, ястребиный,
Видит, что и где лежит,
Видит, кто куда бежит.

Если враг наскочит в раже,—
Ястреб пыл сбивает вражий;
В хвост, и в гриву, в лоб. и
в бок
Бьет отважный ястребок.

И недаром скажет летчик:
— Друг мой верный,
ястребочек,
Ты да я, да мы с тобой
Вмиг готовы в бой любой!

Пусть мороз все небо студит,
Ястребкам работа будет;
И о ястребе своем
Мы не так еще споем!

Январь —февраль 1940 года.
Действующий Балтийский
флот.

ТРИ ВОЗДУШНЫХ ХРАБРЕЦА

Три балтийца, три героя,
Три воздушных храбреца
Хоть сейчас готовы к бою
И дерутся до конца!
Не путает их ни вьюга,
Ни зенитной пули свист,
Смотрят весело три друга:
Штурман, летчик и радист.
Ни один из них не ропщет
Ни в полундре, ни в беде,
Их лихой бомбардировщик
Появляется везде.
Чем трудней дают задачу,
Тем приятней для ребят;
Цель на карте обозначат,
В уголке поговорят.

— Все понятно! — скажет
летчик
И на прочих поглядит.
И радист ответит: — Точно!
— Ясно! — штурман
подтвердит.
А механик — тоже мастер:
Руки быстры, глаз остер,—
Словом, парень той же масти!
Он уже завел стартер...
И войдут вразвалку трое,
Три воздушных храбреца,
Три красавца, три героя,
Три балтийца, три бойца!

Январь —февраль 1940 года.
Действующий Балтийский
флот.

БОЕВОЙ ОРЛЕНОК

Молодой стрелок-радист —
Парень с крепким нервом.
В разговоре — неречист,
А в работе — первым!
Году нет, как стал летать,
А в бою он мастер,
Лучшим летчикам подстать,
Украшенье части!
На работу посмотри —
Четкость и отвага!
— Сколько лет вам?
— Двадцать три!
— Ну и молодчага!
Два десятка раз он был
В крепком переплете,
Два десятка раз он бил
По врагу в полете.
Но о подвиге любом
Хоть четыре слова
Можно вытянуть с трудом
У стрелка лихого.
Скромен он. как коммунист,
Весел, как ребенок,
Молодой стрелок-радист,
Боевой орленок!

Январь —февраль 1940 года.
Действующий Балтийский
флот.

Ник. Богданов

Истребители

Рисунки худ. С. Расторгуева

На аэродром, расположенный у самого фронта, скользнуло три истребителя. Воентехники и мотористы бесцеремонно схватили их за хвосты и затащили под покрытые снегом сосны, где уже притаилось немало таких же машин, коротких, с низко расположенными крыльями.

— Эти догонят!—сказали мотористы, любовно посматривая на новенькие.

В штабной блиндаж явилось три летчика: медвежистый Муразанов, тонкий, весь подобранный Горюнов и остроносый Савушкин с постоянной улыбкой на мальчишески пухлых губах.

— Итак,—закончил командир,— надо этого коршуна подловить. Его рука сжалась в кулак, словно он уже схватил птицу.

— Есть!—ответил Муразанов.

Вечером в бревенчатом карельском доме, срубленном на высоком накате, пылала громадная печка. Было жарко. У печки сидели пилоты, похожие на охотников в своих разноцветных нижних рубашках и в унтах. Разговор вертелся вокруг «бленхэймов».

По рассказам тех, кто уже давно был на фронте, выходило, что лучше «бленхэйма» бомбардировщика нет... Что на этих машинах летают какие-то отчаянные «асы», хитрые и насмешливые. Сколько ни гонялись, пока ни одного не сбили...

Не выдержав длинной беседы, Савушкин заснул.

Впечатлительный Горюнов долго ворочался с боку на бок, а во сне видел, что гонится за «бленхэймом», выжимает полную скорость, машина дрожит, но не догоняет. С досады он скрипел зубами.

Муразанов перевернул товарища на другой бок, а сам достал авиационный справочник. Перелистав страницы, он нашел снимок самолета лучшей английской марки — «Бристоль-Бленхэйм». Проверил данные скорости и вооружения. Потом отложил справочник в сторону и некоторое время сидел молча, уставившись в пространство мечтательным взглядом светлокарих глаз... Вскоре он тоже лег спать и спал крепче всех.

Наутро, явившись на аэродром, летчики застали свои самолеты с вращающимися винтами. В кабинах всю ночь сидели мотористы: они прогревали моторы. Мороз был такой, что моторы работали с каким-то звоном и присвистом. Муразанов дольше обычного прислушивался к ним, затем уселся в кабину и стал следить за приборами, то повышая, то сбавляя обороты. Он испробовал и пулеметы. Трассирующие пули красиво светились, угасая в сизом утреннем небе.

Горюнов и Савушкин занимают места в кабинах. Взвиваются сигнальные ракеты — первая, вторая... И вот уже истребитель Муразанова круто уходит вверх. Вслед за ним взвились свечой самолеты Горюнова и Савушкина. В одно мгновение они исчезают с глаз, но басовитый рев моторов еще стоит над лесом.

Прошло полчаса, час, на аэродроме все чаще стали поглядывать на небо и прислушиваться:

— Где истребители?

— Заблудились? Зарвались в погоне?

Но вот над лесом снова раздался и смолк рев моторов. На аэродром опустились все три самолета.

Летчики, ни с кем не разговаривая, отправились в командный блиндаж. По выражению их лиц, хмурых и замкнутых, все догадались, что встреча с «бленхэймом» не состоялась.

И действительно, производя стремительный поиск в пустом и холодном небе, истребители заметили только две дымовые струи, указывавшие, что здесь недавно прошел двухмоторный самолет. Истребители погнались было по воздушному следу, но, израсходовав горючее, вынуждены были вернуться. Вот все, что доложил Муразанов.

— А все-таки он бомбил,—сказал командир,—и бомбил госпиталь. Не могу понять, как это зевают посты наблюдения! Уверяют, что, кроме наших девяток, никакие отдельные бомбардировщики не перелетали фронт. Заметили его только на обратном пути. Что ж он, проскальзывает к нам в шапке-невидимке, что ли?

Командир ходил по тесному блиндажу, как в клетке. Муразанов молчал, Горюнов то бледнел, то краснел, а лицо Савушкина не сияло обычной улыбкой.

И опять Горюнов видел страшный сон, что догоняет «бленхэйма» и не может догнать...

Так вылетала боевая тройка несколько раз и все безрезультатно.

В это ясное холодное утро ниоткуда не поступало сведений о появлении вражеских бомбардировщиков. Но звено Муразанова было послано «последить за воздухом», так как по узкой лесной дороге двигалась к фронту большая колонна наших войск.

Истребители нашли колонну войск, прошлись над ней, показав крупные красные звезды на крыльях, и поднялись ввысь.

Яркий холодный свет и безмятежный покой царили в просторном небе.

Вот показалась журавлиная стая наших скоростных бомбардировщиков. Отбомбив какой-то объект противника, девятка самолетов тянула на свой аэродром.

Чтобы не волновать своих бомбардировщиков, Муразанов решил уйти подальше с дороги. Вдруг он вздрогнул и пристально всмотрелся: в классическом строю «девятки клином» ему показался

десятый самолет! Муразанов сорвал с лица меховую маску и поднял на лоб очки.

Да, плотно вцепившись в строй, невидимый никому из команд бомбардировщиков, пристроившись к ним, шел чужой самолет. По силуэту он имел сходство с нашими скоростными бомбардировщиками, но был крупнее с более коротким носом и длинным фюзеляжем.

Муразанов сделал вид, что ничего не заметил, даже отвернулся и изобразил на лице равнодушие, когда проходил параллельным курсом, не шевельнув крылом. Затем вырвался вперед, качнул машину и сделал такой крутой разворот, что Савушкин и Горюнов разорвали строй и догнали его с сердитым ревом.

Они взглянули, куда указывал самолет командира, и все поняли. У Горюнова расширились и потемнели зрачки, Савушкин засмеялся. И все звено неудержимо понеслось на вражеский бомбардировщик.

Муразанов хотел сбить хитреца так, чтобы никто не успел оглянуться. Пристроиться к нему так же, как он к нашей девятке, и внезапно атаковать.

Но неожиданно «бленхэйм» отстал от строя и стал делать разворот на бомбометание.

Муразанов взглянул вниз и увидел тесную колонну наших войск, вытянувшуюся на узкой лесной дороге. Бойцы шли и ехали уверенные, в полной надежде на свою авиацию, охранявшую их с воздуха...

Сердце Муразанова сжалось, и он дал спугивающую очередь с дальней дистанции.

Трассирующие пули заставили вражеского летчика оглянуться. Он увидел стремящиеся к нему скоростные монопланы неизвестной ему формы.

Муразанов улыбнулся, заметив, как он облегчился от бомб куда попало и сразу полез в облака, бросив колонну. От сердца отлегло, но погоня усложнилась.

...Огромный столб воды и пара поднялся гейзером и едва не захлестнул маленький истребитель...

«Бленхэйм» поднимался к спасительным облакам, Муразанов невольно залюбовался лебединым размахом его белых крыльев, легко влекомых мощными моторами. Сердце приятно затомилось охотничьей страстью:

«Ну, теперь не уйдешь!»

«Бленхэйм» почувствовал смертельную опасность. Прервав подъем в далекие, ненадежные облака, бомбардировщик вдруг перевалился в пике. Он стал уходить со снижением, развивая огромную скорость.

Муразанов усмехнулся. При этом маневре его звено, идущее ниже, только выиграет на скрещении. Муразанов увеличил скорость и увидел, что его «ястребок» легко настигает долговязого англичанина, залетевшего куда не следует.

Между тем Горюнов и Савушкин открыли стрельбу из пулеметов.

«Эх, выпалят все раньше времени!» — подумал Муразанов.

Бомбардировщик достиг озера и стал брить над самой поверхностью, не давая истребителям возможности вцепиться под хвост. От черной воды медленно стынущей Ладоги поднимался туман, клубясь и сгущаясь. Чтобы не потерять врага, истребители прижимались к нему плотней и плотней.

Стрелок «бленхэйма» припал к рукояткам спаренных пулеметов. Огненный дождь пуль, пронизывая грязные клочья тумана, забарабанил по истребителям.

Пилот «бленхэйма» выжимал предельную скорость. Однако истребители не только не отстали, а, словно играючи, стали заходить слева и справа. Вот они уже очутились впереди, прикрываясь от пулеметов бомбардировщика его же собственными моторами. Все трое дали залп. Трассирующие пули образовали перед носом бомбардировщика огненную сетку.

Было видно, как штурман бросил пулеметы и закрыл лицо перчатками. Пули с треском ударили по стеклам кабины и по фюзеляжу.

Вражеский летчик принужден был тащить машину сквозь смертельную паутину. Стрелок был убит. Из одного мотора стало выбивать масло, и белое крыло покрылось черными стрелами. И все же бомбардировщик не сбавил скорости. Дрожа и завывая, он разрывал бегущие навстречу волны тумана.

«Неужели уйдет?!»

Горюнов еще раз нажал на гашетки пулеметов. Безрезультатно! Он взглянул на самолет товарища. Качнув крылом, Савушкин взвился вверх.

«Пули все!—ужаснулся Горюнов.—Упустили?! Нет шалишь!!»

В одно мгновенье он вырвался выше, нацелился машиной прямо в кабину летчика и, чуть не плача с досады, пошел на таран...

— Отвернись! Отвернись, азартный чорт! — орал во всю силу легких Муразанов, словно Горюнов мог его услышать за ревом своих и чужих моторов.

Он приподнялся и готов был выскочить из кабины, чтобы схватить ослепленного яростью горячего комсомольца.

И в последние доли секунды в каких-нибудь двадцати метрах от «бленхэйма» Горюнов отвернулся, вывел машину из пике и свечой ушел вверх. Муразанов глотнул воздух, сел поплотней, и руки его замерли над гашетками пулеметов.

За время погони, наблюдая поведение противника под огнем, Муразанов понял, в чем преимущества «бленхэйма»: у него не текли пробитые бензиновые баки, а летчик защищен был бронированной спинкой.

Муразанов примерился и пошел в атаку наверняка. Он сделал горку, пикировал и кинжальным огнем разбил вдребезги оба мотора.

Белый, обрызганный маслом самолет резко сунулся вниз. Огромный столб воды и пара поднялся гейзером и едва не захлестнул маленький истребитель.

Муразанов взял ручку на себя и стал пробивать толщу тумана. Скоро плотная вязкая масса осталась внизу и машина вырвалась на свет, где яркое солнце сверкало над клочковатым, клубящимся морем.

Истребитель поднимался все выше и выше. Звонкая песня его мотора разливалась победным гимном.

Поднявшись до пяти тысяч метров, Муразанов сделал круг и заметил товарищей: по молочной поверхности тумана сиротливо бежали две маленькие тени.

Муразанов упал к ним с высоты и, сверкнув синим хвостом, призывно покачал крыльями. Вскоре дружная тройка короткокрылых самолетов опустилась на маленький аэродром.

И по быстрой, размашистой походке летчиков, по горящим глазам, по тому, как Муразанов обнял своих товарищей за плечи, все поняли:

«Первый «бленхэйм» сбит!»

Герои Советского Союза

Б. Николаев

УЧЕНИК И УЧИТЕЛЬ

Летучий научил Брагинца летать, чем и заслужил его любовь и уважение на всю жизнь.

Подпасок из Поволжья, Николай Брагинец не сразу попал в авиацию. Когда забитый подпасок стал комсомольцем, он уверенней зашагал по жизни. Решил стать трактористом: пошел на курсы и стал трактористом. Захотел овладеть искусством забойщика — опустился под землю — и овладел.

Герои Советского Союза Николай Григорьевич Брагинец (слева) и Израиль Яковлевич Летучий.

Фото А. Шеховцева

«Неужели воздухом не овладею?» — думал Брагинец, получив путевку в авиашколу.

Ему попался хороший учитель, веселый, насмешливый, уверенный в том, что каждый человек может летать,— инструктор Летучий.

— Откуда у вас такая летная фамилия? — спросил однажды Брагинец.

— Ребята придумали. Я потерял родителей так рано, что не запомнил своей фамилии. Ну, беспризорная братия и дала мне прозвище по способностям,— улыбаясь, разъяснил Летучий.

Брагинец считал его лучшим летчиком на свете, потому что у Летучего был девиз:

«Нет таких положений в воздухе, из которых нет выхода».

Ученик и учитель вместе прилетели на фронт в составе эскадрильи легких бомбардировщиков под командованием капитана Топаллера. Брагинец в самых рискованных боевых вылетах чувствовал себя уверенно, видя рядом Летучего. Не раз они обманывали вражеских зенитчиков, уходя от обстрела.

Однажды его машину поставили на профилактический ремонт. Брагинец спокойно проводил товарищей в очередной боевой вылет и остался на аэродроме помогать воентехникам.

Вдруг над аэродромом появилась эскадрилья без командирского самолета. Тревога охватила всех — от стартера до моториста. Брагинец впился взглядом в самолет Летучего.

Он не мог поверить, чтобы Летучий отдал врагам командира. Он бежал к приземлявшимся самолетам вместе со всеми и повторял:

— Что случилось?

А случилось вот что.

В районе цели зенитным снарядом белофиннов был подбит самолет капитана Топаллера. Летучий увидел, как из мотора выбило черное пламя и винт остановился. Самолет беспомощно скользнул вниз, на озеро, случайно мелькнувшее среди густых хвойных лесов. После короткой пробежки машина резко остановилась. Летучий сверху заметил, что на лыжнях, прочерченных самолетом, выступили черные полосы.

«Вода! Самолет сел на озеро-ловушку! Отсюда взлететь нельзя!»—пронеслось в мыслях Летучего. Он понимал всю опасность положения. Вода моментально замерзнет и прихватит лыжи, словно капканом. И еще заметил Летучий под деревьями, на берегу озера, многочисленные палатки, из которых вылезали вооруженные люди.

Топаллер сел прямо в финский лагерь. Казалось, ничто не могло спасти командира от гибели.

Безнадежность положения понял и Топаллер.

— Смотри, Марк, куда я тебя завез! — сказал Топаллер своему штурману — парторгу эскадрильи Близнюку.

— Ну что ж, Анатолий, покажем, как наши умирают! — ответил штурман и припал к пулеметам, готовясь дорого отдать свою жизнь.

Но в этот момент на озеро опустился Летучий. Подогнав самолет к товарищам, он крикнул:

— Влезайте на плоскости!

И стал медленно рулить по озеру, чтоб не приморозить лыжи. Топаллер и Близнюк побежали за ним, стараясь на ходу забраться на крылья. После нескольких неудачных попыток они втащили свои тела на плоскости и плотно прижались к фюзеляжу. Потоки встречного воздуха могли при взлете сбросить их вниз.

Летучий дал полный газ, и его самолет взмыл над лесом, унося спасенных летчиков.

«Почему мало стреляли финны? — подумал он, оглядываясь назад.— Ведь они могли нас изрешетить!»

Но финнам было не до того. В воздухе кружили товарищи Топаллера и Летучего, и они тоже не теряли времени даром. На крутых виражах носились они над лагерем и поливали финнов огнем пулеметов. Свинцовый ливень положил на снег не один десяток солдат, забежавших вперед; остальные спаслись бегством под деревья... Вот что случилось на озере Юля-Лава-ярви.

Брагинец подбежал к самолету Летучего и увидел на крыльях две фигуры в комбинезонах. Он угадал по унтам Топаллера и Близнюка и все понял.

Товарищи подхватили на руки спасенных, а Брагинец, не в силах скрыть восторга, обнял и поцеловал Летучего.

•

Судьба словно пытала дружную семью топаллеровцев. Через несколько дней после спасения Топаллера вражеский снаряд над теми же роковыми местами подбил самолет старшего лейтенанта Летучего. Мотор запарил, задымил, машина резко пошла на снижение и исчезла в лесу.

Летучему удалось сесть на кочковатое болото. Машина развалилась, но летчики остались целы. Летучий вытащил из кабины раненого штурмана и стал готовиться к защите. Он знал: сейчас на место посадки, как стая волков, прибегут финские лыжники.

Но не успел Летучий как следует оглядеться, как над ним раздался шум мотора. С цирковой ловкостью на болото сел еще один самолет.

— Брагинец! — вырвалось у Летучего.

Да, это был Брагинец. Он подрулил, вылез из кабины, уступая свое место учителю:

— Берите управление, а я и на крыле долечу!

Летучий заколебался. Он не хотел принять от благородного ученика такой жертвы.

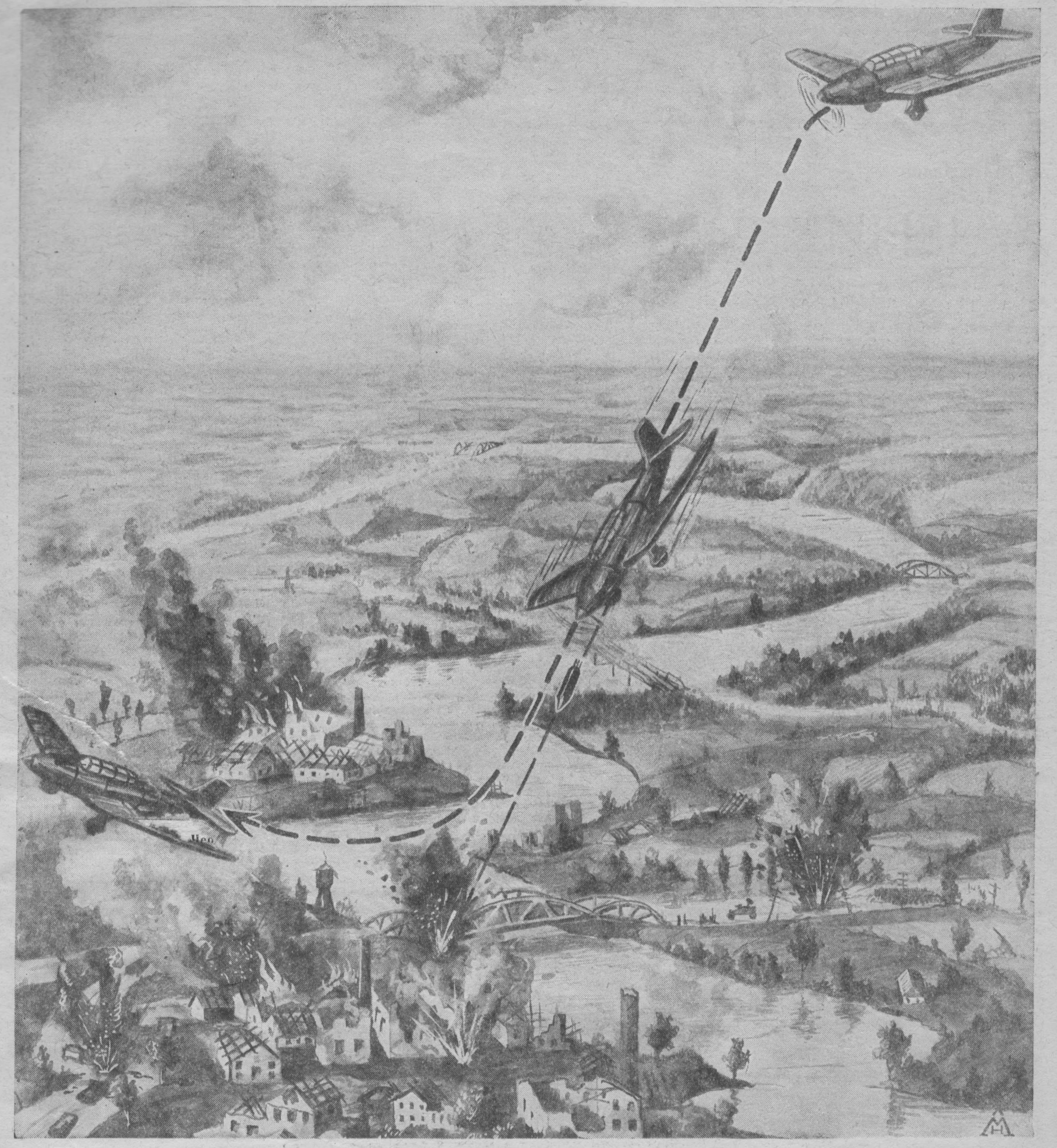
— Вы лучше взлетите — садитесь! — крикнул Брагинец, видя, что товарищ колеблется.

В кустах взвизгнули пули. Враги приближались. Штурман Чикунов усадил в свою кабину раненого Близнюка. Летучий взял управление, и самолет вырвался из лесного болота, подняв снежные вихри. На крыльях лежали «хозяева», «гости» сидели в кабинах. Вдогонку стреляли опоздавшие финские лыжники.

Так еще раз летчики победили смерть своим мастерством, храбростью и беззаветной дружбой.

•

Недавно в Кремлевском зале, видевшем немало героев, прославивших нашу родину необычайными подвигами, получила ордена группа бойцов военно-воздушных сил Красной Армии. Среди них были два друга: старший лейтенант Израиль Яковлевич Летучий и старший лейтенант Николай Григорьевич Брагинец.

ПИКИРУЮЩИЕ БОМБАРДИРОВЩИКИ

Рисунок худ. Н. Малолеткова

Четверть века назад, когда идея воздушного бомбометания облекалась в реальные формы, бомбили противника так: на полу в кабине летчика клали бомбы; он взлетал; найдя цель, брал бомбу в руки; прищурив глаз, прицеливался и вручную выбрасывал бомбу за борт.

Но время шло, бомба получила свою форму, хвостовое оперение, появились точные прицелы, бомбодержатели и приборы для сбрасывания бомб. Увеличилась и меткость. Но появилась и современная зенитная артиллерия, которая «загнала» бомбардировщик на большую высоту и сделала поражение бомбами целей, имеющих малую площадь, трудной задачей.

В такой обстановке на сцену выходит пикирующий бомбардировщик.

Сущность и преимущество бомбометания на пикировании заключаются в следующем. На большой высоте летчик вводит самолет в пикирующий спуск под очень большим углом к линии горизонта. Самолет развивает огромную скорость. Летчик, пользуясь оптическим прицелом, в который ему видна цель, наводит самолет на нее и, когда до земли остается сотня — другая метров, сбрасывает бомбу, а сам плавно, но энергично выводит самолет из пикирования. А бомба, продолжая траекторию полета самолета, акуратно укладывается в самый центр цели.

Но преимущество пикирующего бомбометания не только в большой меткости и повышении вероятности попадания в малую по размерам цель: бомба, получив от самолета своеобразную начальную скорость, приобретает «живую силу», что резко увеличивает ее разрушительное действие.

Вот эти основные особенности и преимущества пикирующего бомбометания и явились причиной такого широкого применения этого новейшего и эффективнейшего способа бомбометания в современной войне на Западе.

Помещаемый нами рисунок дает наглядное представление о действии пикирующего бомбардировщика.

На красной линии аэродрома. Инструктора дают задания курсантам перед полетами.

Комиссар Тульского аэроклуба Н. И. Муравьев.

Курсанты-отличники в гостях у планеристов. Слева направо: А. Кобзев, мастер планерного спорта лейтенант Г. Лисецкий, Н. Кузнецов, И. Машукин, Л. Балабанов и А. Нассонов.

По утрам, когда город еще спит, на улицах Тулы можно встретить группы быстро идущих молодых людей с синими свертками — комбинезонами — в руках. Они направляются к большому ровному лугу, окаймленному излучиной реки Упы. И не проходит часа, как над городом слышится гул моторов. Это взлетели самолеты с аэродрома Тульского аэроклуба.

Перед комсомольцами Тулы, окончившими среднюю школу, или занимающимися в техникумах, или работающими на тульских заводах, широко и гостеприимно открыты двери Тульского аэроклуба.

Еще в прошлом году на подготовку пилота уходил целый год и летная практика затягивалась до глубокой осени. В этом году методика обучения уже не та. После зимних теоретических занятий курсанты сразу же, ранней весной, вышли на наземную подготовку. Через двенадцать дней они уже начали полеты. Инструктора-отличники — воспитанники этого же клуба — быстро привили будущим летчикам навыки обращения с самолетом. Экзамен сдан... И вот в первый раз курсанты выводят самолет на летное поле.

Инструктор В. А. Левашко и техник А. И. Агеев за отличную подготовку курсантов первыми получили социалистическую путевку на вывозные полеты.

Произведя сорок полетов с курсантом-комсомольцем Леонидом Балабановым, инструктор В. Левашко выпустил его в самостоятельный полет.

Вслед за Балабановым самостоятельно вылетели Чижов, Елагин, Кобзев, Кузнецов, Громов, Нассонов, Машукин... Это были радостные, незабываемые для курсантов дни!

Программа была закончена за тридцать семь дней; в среднем каждый курсант не налетал и десяти часов, но отличная работа инструкторов, техников, [illegible] и комиссаров [illegible] результаты. [illegible] самолеты сдавали экзамен приемочной комиссии Наркомата обороны.

Когда на аэродроме затихают моторы учебных самолетов, а это бывает между 11 и 14 часами, на поле выкатываются нарядные скоростные самолеты. В кабины серебристых «УТ-1» забираются командир эскадрильи В. Козлов, командир 2-го отряда И. Чернышев и инструктор лучшего в эскадрилье экипажа В. Пронин.

Они летают отлично, даже больше: замечательно. Сомкнутым строем Козлов, Чернышев и Пронин поднимаются на петли, чуть разойдясь, вертят бочки и, снова сомкнувшись, пикируют, каруселят, разлетаются веером.

В. Пронин назначен командиром спортивного звена. Пилоты, освоившие самолет «У-2», перейдут теперь к нему, и Пронин будет тренировать их на скоростных самолетах. Сначала на «УТ-2», а потом на «УТ-1», на тех самых, на которых три командира блестяще выполняют свой пилотаж.

Замечательная школа пилотов — Тульский аэроклуб Осоавиахима — работает на крепких, здоровых традициях. Здесь отличная дисциплина, четкость работы и большая любовь к своему делу. «Красная кузница» — название, закрепившееся за Тулой в годы гражданской войны, — дает Красной Армии не только боевое оружие, но и прекрасных летчиков, воинов и бойцов.

Начальник аэроклуба тов. Щербина инструктирует командира звена.

←

Командир эскадрильи Тульского аэроклуба В. Козлов.

→

Пилотажное звено Тульского аэроклуба в строе пеленга. Самолет № 2 ведет комэск В. Козлов, № 3—командир 2-го отряда И. Чернышев, № 4 — командир спортивного звена В. Пронин.

↓

Командир 2-го отряда И. Чернышев, награжденный переходящим Красным знаменем обкома ВЛКСМ и Осоавиахима за отличную работу по воспитанию пилотов.

Лучший инструктор Тульского аэроклуба командир спортивного звена В. Пронин.

Прохладой и сладкой свежестью веяло в то октябрьское утро 1916 года от прикарпатских лесов. Здесь, в глубоком тылу русской армии, в восьмидесяти верстах от фронта, не ощущалось войны. Не слышно было уханья тяжелой артиллерии, и самолеты немцев не беспокоили русских. Осенней тишиной налит был этот предрассветный час.

В самой чаще дремучего полесья, когда рассвело настолько, что стали ясно различимы кусты, окаймлявшие широкую лесную полянку, в воздухе послышалось гуденье мотора. Из-за опушки вынырнул самолет и опустился на краю поляны.

Никто не видел, как из самолета выскочил человек в штатском, за ним — другой. Тот, что был выше ростом, нес в руках тяжелый саквояж, другой — винтовку и какие-то свертки. Окинув полянку взглядом, таинственные пассажиры бросились в чащу леса. Летчик, развернув самолет, дал полный газ и взлетел горкой, перепрыгнув край леса.

Пассажиры в штатском, высокий—поручик германской армии Кассель — и пониже — фельдфебель Виниш,— пробираясь в чаще густого леса, достигли наиболее непроходимого места и укрылись на верхушке старого, ветвистого дуба. Здесь, высоко на дереве, они весь день рассматривали карту-двухверстку и с компасом в руках что-то тщательно рассчитывали.

А летчик бреющим полетом и зигзагообразным курсом маскировал место своей посадки и взлета. Он петлил над лесом, тщательно обходя населенные пункты и полянки. И, только отойдя от места посадки в лесу на 15—20 километров, начал набирать высоту и полетел прямо к линии фронта. Через пять минут самолет уже растворился в сером осеннем небе.

●

Когда наступила глубокая ночь, Кассель и Виниш осторожно слезли с дерева и, пробираясь между кустами, направились к отмеченному на карте пункту, знакомому еще со вчерашнего дня, когда они в оперативной комнате штаба германской армии тщательно изучали крутой поворот железнодорожной линии Ровно — Броды. Было темно, но фосфорицирующая стрелка компаса уверенно вела их к цели.

У поворота железной дороги Кассель и Виниш спрятались в кустах. Артерия, питающая фронт снарядами, продовольствием и людским составом, ночью жила напряженно. Через каждые пять минут проносились на фронт составы воинских поездов. Очевидно, готовилась серьезная наступательная операция.

Кассель и Виниш ползком приблизились к тому месту, где рельсы лежали в двух—трех метрах от густого кустарника. Здесь они разгрузили саквояж, поместив увесистый пакет динамита под рельсы, и протянули в лес длинную нить бикфордова шнура. Выждав, когда невдалеке из-за поворота показался поезд, они зажгли шнур.

И, когда с диким грохотом состав взлетел в воздух и людские крики смешались со взрывами горящих снарядов, Виниш и Кассель уже бежали в лес, тщательно засыпая свои следы мелко натолченным красным перцем, предусмотрительно припасенным ими еще «дома». Взрыв уничтожил эшелон, грузы боеприпасов и завалил вагонами полотно, надолго выведя из строя эту важную стратегическую дорогу.

А поручик Кассель и фельдфебель Виниш еще до рассвета достигли другой, такой же укрытой лесом площадки, как и та, что сегодня утром приняла их, но несколько дальше от фронта. Было еще совсем темно, когда они услышали свист планирующего самолета. Они зажгли пучки артиллерийского, медленно горящего пороха, при свете которого летчик посадил самолет на самой середине лужайки.

И опять никто не видел, как, разрывая ночную завесу, над лужайкой взлетел самолет. А минут через сорок летчик и диверсанты, перелетев русский фронт, встретивший их запоздалыми беспорядочными выстрелами, в штабе германской армии докладывали об успешном выполнении первой в военной истории воздушно-десантной операции.

●

Еще в первую мировую империалистическую войну воздушные десанты нашли применение почти во всех воюющих странах. Тогда еще термина «воздушный десант» не существовало. Переброска в тыл противника и возвращение домой шпионов и диверсантов по воздуху называлось «специальным заданием». Летчика и пассажира, пойманного во время выполнения «специального задания», немедленно расстреливали на месте, и поэтому за выполнение «специального задания» брались смелые, самоотверженные летчики — «ассы».

В войне 1914—1918 годов особенно выделялись французские летчики-ассы: Гюинемер, сбивший в воздушных боях 53 неприятельских самолета, Ведрин, Наварр и другие. Ведрин так натренировался в «специальных заданиях», что руководил полетами в тыл противника небольших групп самолетов. Он имел даже собственную систему и методы перелета фронта, посадки в тылу и взлета. Ведрин настолько часто и эффективно работал по переброске диверсантов в тыл немцев, что это начало их сильно беспокоить, и для борьбы с воздушными десантами немцы протянули тогда в траве, в лесистой местности, на полянах и лугах проволочные заграждения. На салоникском фронте в качестве летчика «специальных заданий» подвизался Корнэмон.

На итальянском фронте получили известность по десантным операциям летчики Гельметти и Казаграндэ. Последний совершил пятнадцать посадок в тылу противника. С Казаграндэ летали и высаживались в тылу знаменитые шпионы-диверсанты братья де Карло, офицеры, которые должны были соединиться с шестью сотнями итальянских солдат, отрезанных от главных сил после битвы у Капоретто и скрывавшихся в Жемонских лесах, и ряд других.

●

Инициатива применения воздушных десантов в нынешней войне в Западной Европе принадлежит немцам.

Еще во время боевых операций в Польше немцы применяли небольшие парашютные десанты с целью дезорганизации тыла польской армии и сообщения по радию (радиостанции выбрасывались с десантом также на парашютах) сведений о противнике.

Задачи парашютных десантов в Дании и Норвегии были уже иные. Немцы сбрасывали парашютистов прямо на аэродромы противника, вблизи объектов, имеющих важное стратегическое значение. Сразу же после выброски десант распространял свои

Парашютисты на старте.

Фото Э. Евзерихина

боевые действия на близлежащие районы, обеспечивая успешную посадку на аэродромы самолетов с воздушным десантом.

В Норвегию немцы перебросили на самолетах около 20 тысяч человек.

С целью разрушения стратегически важного железнодорожного узла Домбос немцы сбросили там парашютный десант. Немецким войскам, сражавшимся в районе Нарвика, на самолетах и парашютах доставлялись подкрепления, боеприпасы, продовольствие.

Но в наибольшем масштабе немцы использовали комбинированные (парашютные и посадочные) десанты в Бельгии, Голландии и Франции. В Бельгии и Голландии воздушные десанты осуществлялись частями двух специальных воздушных дивизий.

Здесь десанты имели три основных задачи.

Первая—прикрытие. Парашютисты, выбрасываясь впереди высадки основного ядра десанта, огнем прикрывали посадку своих самолетов.

Вторая задача—оккупация. Захват тех пунктов, переправ, укреплений, которые наземные войска не могли захватить, и последующая оборона этих пунктов от противника.

И, наконец, третья задача—диверсионные действия групп парашютистов: разрушение складов, баз, гаваней противника.

Первый парашютный десант немцев был выброшен утром 10 мая в Голландии. Десанты быстро охватили район Слидтрехта и аэродром Вальхавен, на который тотчас же произвели посадку немецкие десантные самолеты с войсками.

С помощью парашютных и самолетных десантов по всей Голландии в тылу противника немцы создали второй фронт. Четыре дня десантные войска держались на занятой территории и оборонялись до самого прихода войск ударной армии немцев. В Мурдейке десантные группы захватили железнодорожный мост через реку Маас и сохранили его от взрыва, что дало возможность немцам совершить переправу.

По сообщению «Дейли геральд», немцы за один день в треугольнике Роттердам — Гаага — Амстердам сбросили двенадцать тысяч парашютистов.

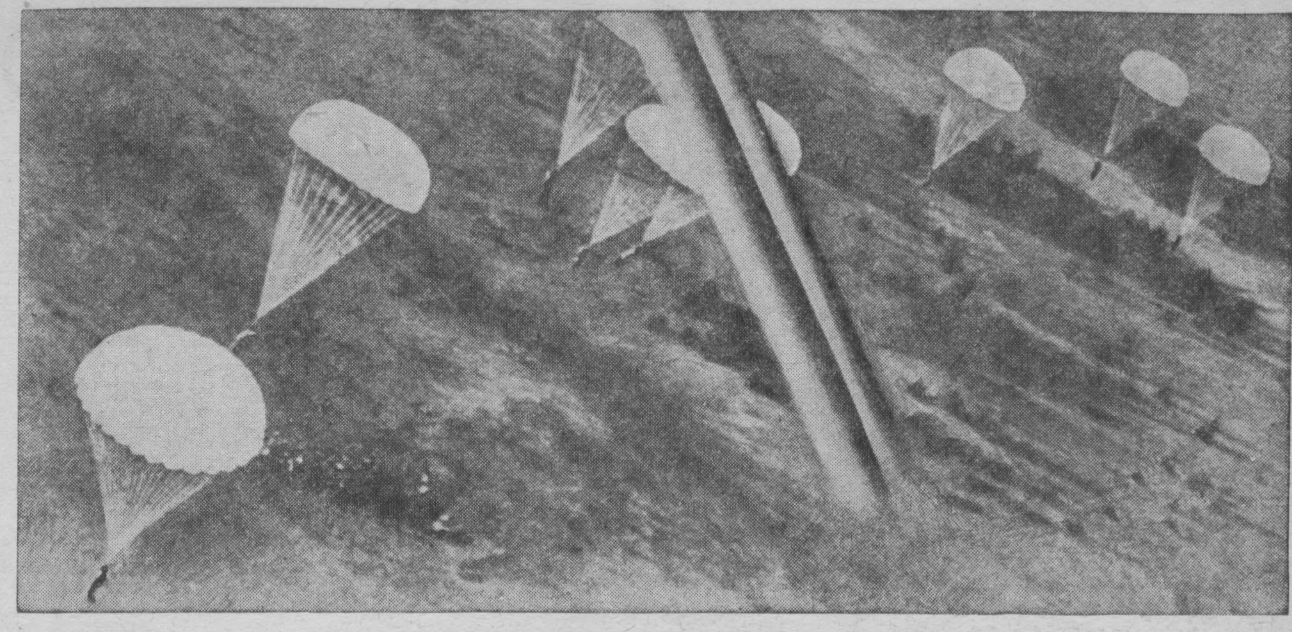
Одновременно с воздушными десантами в Голландии немцы осуществили их и в Бельгии, главным образом там, где наземные войска встречали сильное сопротивление. Так, парашютные десанты были выброшены в Сен-Трон, в районе Нивель, у канала Альберта, в районах крепостей Эбен Эмаель и Льеж.

Крепость Эбен Эмаель долго оказывала сопротивление, но оно было сломлено войсками парашютного десанта. Парашютисты, приземлившись непосредственно к фортам крепости, забросали их гранатами, и гарнизон капитулировал.

Так новый род войск—«воздушная пехота» — содействовал продвижению наземных войск немцев на западе.

●

Современные тяжелые самолеты позволяют перебрасывать по воздуху войска при полном боевом снаряжении. Сюда относится переброска не только пулеметов, но и мотоциклов, пушек, легких танкеток. Танкетки и мотоциклы способствуют боевой маневренности десанта. Сбрасывание вместе с парашютным десантом оружия, мотоциклов и боеприпасов производится с помощью грузовых парашютов.

Высадка германского парашютного десанта в Голландии.

Снимок сделан с германского самолета

Состав парашютного десанта комплектуется из тренированных, имеющих знакомство с высотными и затяжными прыжками парашютистов. Кроме того парашютист должен знать саперное дело (взрывное дело), тактику, маскировку и т. д., должен быть метким стрелком из оружия, присвоенного ему: этого требует ограниченный запас патронов в десантной операции.

Воздушная разведка устанавливает место высадки группы. В воздух уходит сначала парашютная группа и, приземляясь, захватывает площадку, обеспечивая на ней посадку самолетов. Затем на тяжелых самолетах взлетает основное ядро воздушного десанта. Полет до места высадки десанта и самая посадка прикрываются с земли выброшенными ранее парашютистами, а с воздуха—истребителями.

●

Сейчас уже созданы средства борьбы с воздушным десантом, сводящиеся в систему ПДО (противодесантной обороны).

Основным средством борьбы является авиация. Соединение истребителей, легких бомбардировщиков и особенно штурмовиков, обнаружив начало высадки десанта, сможет без особых трудов уничтожить его.

Когда десант все-таки высадился и рассредоточился на местности, средствами борьбы с ним являются бронеавтомобили, быстроходные танкетки и вооруженные пулеметами мотоциклы.

Так как высадка десантов производится обычно в тылу противника и быстро бросить войска для уничтожения его нельзя, поэтому для борьбы с десантами привлекаются особые отряды и гражданское население.

Англия сильно напугана применением немцами воздушных десантов и, боясь высадки их у себя в тылу, предпринимает ряд мер, распространяющихся как на прибрежные, так и на внутренние районы страны.

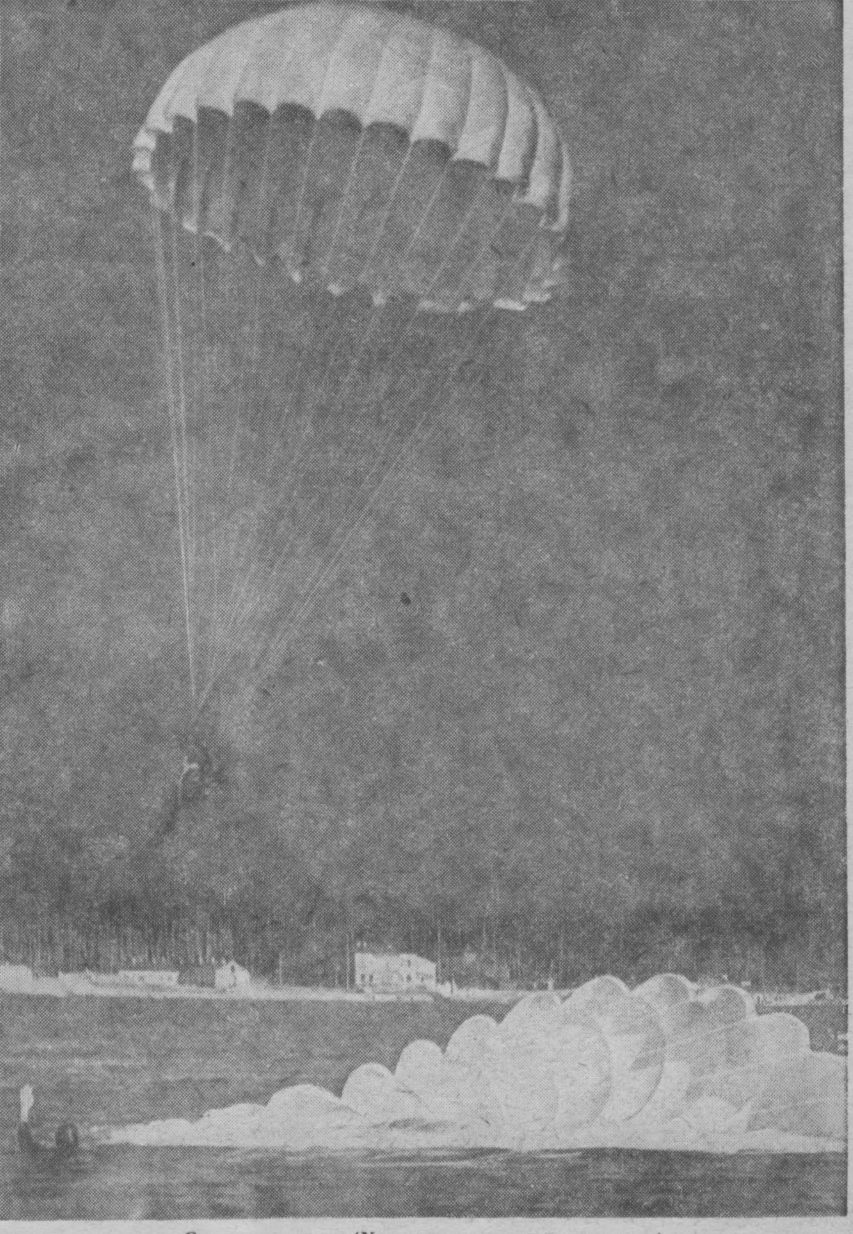
●

СССР — родина современного парашютизма. В нашей стране это один из массовых, самых популярных видов авиационного спорта.

Весь мир знает наших мастеров парашютного дела, заполнивших в таблице рекордов Международной авиационной федерации графы всех видов парашютных рекордов, включая главнейшие: высотные, затяжные и женские.

Но парашютизм у нас является также и одним из видов боевой подготовки. Все помнят маневры частей РККА в 1936 году, когда 20 сентября 500 парашютистов были сброшены в районе Гороховца. А на другой день там же одновременно прыгнуло две тысячи двести хорошо вооруженных парашютистов.

У нас есть на чем перебрасывать воздушные десанты, есть с чем прыгать и кому прыгать. Кроме того у нас есть чем и уничтожить любой десант, если бы он опустился на нашей территории.

Спуск на воду (Химкинское водохранилище).

Фото Л. Петрова

В СОВЕТСКОЙ БУКОВИНЕ

Фото Г. Зельма.

↑ Черновицы — большой нарядный город. В центре — у бывшей городской управы — «Примарии» — красуется только что поставленная красная звезда.

← Но этот город был красив и наряден только для богатых. Если вы пройдете в рабочие кварталы, то вас поразит грязь, убожество и зловоние узких дворов-коридоров, где проводят долгие летние дни безнадзорные дети бедноты.

↑ И даже это неприглядное детство было слишком коротким. С десяти, девяти лет дети шли работать. Во дворе фабрики б. Геркулес мы встретили группу детей — Бено Брамберга, Гильду Брамберг, Доминику Кашуль и Давида Лейбль (слева направо); им только по 15—16 лет, а они уже имеют пяти-шестилетний рабочий стаж.

↑ С установлением советской власти в районы, где жила буржуазия, в лучшие дома, стали переселять рабочих и трудящихся. Председатель городского совета И. С. Зеленюк подбирает людей, способных взяться за руководство той или иной отраслью городского хозяйства. Вместе с архитектором Ю. Мигула (слева) и инженерами тов. Зеленюк (справа) проводит новое районирование города.

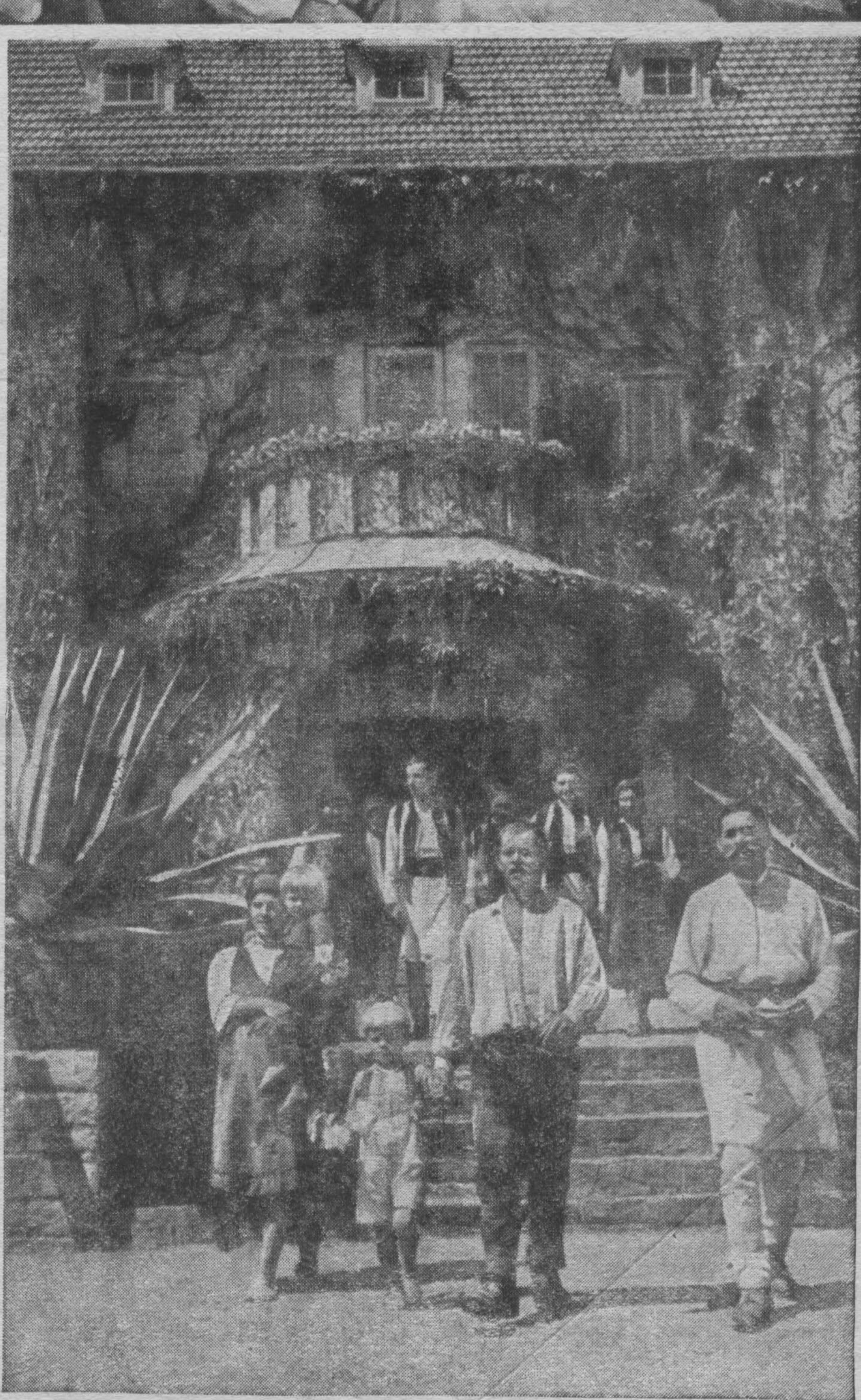
Не только в города, но и в села могучим потоком ворвалась новая жизнь. Восторженно встречал народ свою освободительницу — Красную Армию. Крестьяне села Кучур Великий вышли на дорогу приветствовать красных кавалеристов.

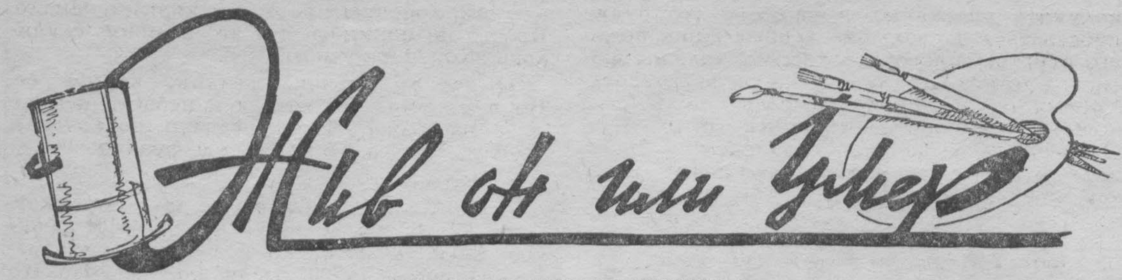
Вопросы о разделе помещичьей земли волнуют крестьян. В селах и деревнях проходят митинги. Выступающие требуют раздела земли.

↑ Народные собрания избрали в сельсоветы своих лучших представителей. В селе Горбово, Герцевской волости, председателем сельсовета избран Фрол Деменчук. Старый селянин Танас Тевицкий поздравляет Деменчука с почетным избранием.

Впервые побывали в помещичьем доме бывшие батраки. С детства они работали в помещичьем фольварке Сторожинецкого уезда и только теперь могли увидеть, как жили те люди, на которых они работали, которым отдавали свой труд, все свои силы. Теперь этот дом, как и все другие богатства, принадлежит их созидателю — народу. →

РАССКАЗ МАРКА ТВЭНА *

Иллюстрации худ. Мих. Милославского

Март месяц 1892 года я проводил в Ментоне, на Ривьере. В этом уединенном местечке можно пользоваться всеми благами, которые предоставляют широкой публике прославленные Монте-Карло и Ницца, расположенные на несколько миль дальше. То есть здесь налицо избыток солнца, целебный воздух и сверкающее синее море, притом без нежелательной примеси мирской суеты и сутолоки, тщеславия и показного блеска. Ментона — тихое, спокойное местечко, лишенное всяких претензий; богатые и знатные туда не едут; я хочу сказать, что, как правило, богатые туда не едут. Временами появляется какой-нибудь богач; с одним из них мне и пришлось познакомиться. Отчасти ради соблюдения тайны назову его Смитом. Однажды, сидя за вторым завтраком в «Отель дез Англе», он вдруг воскликнул:

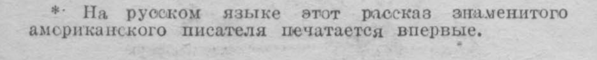
— Живо! Взгляните на человека, который выходит сейчас в ту дверь. Постарайтесь внимательно рассмотреть его во всех подробностях.

— Зачем?

— А вы знаете, кто это?

— Знаю. Он здесь провел несколько дней до вашего приезда. Это старый и очень богатый фабрикант шолка, из Лиона, живущий на покое; насколько я понимаю, он совершенно одинок; вид у него всегда печальный и задумчивый, и ни с кем не разговаривает. Зовут его Теофил Маньян.

Я предполагал, что Смит тут же постарается оправдать повышенный интерес, проявленный им к господину Маньяну; но вместо этого он впал в глубокое раздумье и, повидимому, забыл на несколько минут обо мне и обо всем окружающем. Наконец, он проговорил:

* На русском языке этот рассказ знаменитого американского писателя печатается впервые.

— Нет, не выходит. Не могу вспомнить.

— Чего не можете вспомнить?

— Одну из замечательных сказочек Андерсена... В общем там речь идет о ребенке, у которого есть птичка в клетке; он любит ее, но по своему легкомыслию не заботится о ней. Птичка поет свою песенку, хотя ее никто и не слушает, но голод и жажда, наконец, дают себя знать, и ее песня становится жалобной и тихой и, наконец, смолкает. Птичка умирает. Приходит ребенок, сердце его полно раскаяния. Обливаясь слезами, он созывает своих товарищей, и они хоронят птичку с большой помпой, полные искреннего горя, не ведая того, бедняжки, что ведь не только дети доводят поэтов до голодной смерти, а затем столько тратят на их похороны и памятники, что на эти деньги поэтам можно было бы жить в полном довольстве. Так вот...

Но тут нас прервали. В тот же вечер, около десяти, я столкнулся со Смитом, и он пригласил меня к себе выпить виски и покурить с ним за компанию. Уютная комната с удобными стульями, яркими лампами и веселым пламенем в камине. А в довершение всего приглушенный гул прибоя снаружи. После второго стакана виски и долгих ленивых и благодушных разговоров Смит сказал:

— Вот теперь мы соответственно подготовлены: я — к тому, чтобы рассказать любопытную историю, вы — к тому, чтобы ее выслушать. Долгие годы это было тайной — тайной моей и еще трех лиц, — но сейчас я нарушу обет молчания. Вы удобно устроились?

— Вполне!

Вот что он мне рассказал:

— Много лет тому назад я был молодым художником, вернее, очень молодым художником, и странствовал по сельским местностям Франции, делая тут и там зарисовки. Ко мне вскоре присоединились двое премилых молодых французов, занимавшихся тем же, что и я. Мы были столь же счастливы, как и бедны, или столь же бедны, как и счастливы, — это как вам будет угодно. Клод Фрер и Карл Буланже — так звали этих юношей. Повторяю, это были милые молодые люди, преисполненные той исключительной жизнерадостности, которая смеется над бедностью и радуется любой погоде.

Подконец мы потерпели полное крушение в бретонской деревушке, где некий художник, такой же бедный, как и мы, приютил нас и буквально спас от голодной смерти — Франсуа Милле.

— Как? Великий Франсуа Милле?!

— Великий! Тогда он был такой же великий, как и все мы. Он не был ничем знаменит, даже в пределах родной своей деревушки; а беден он был настолько, что мог кормить нас одной только репой, причем даже репы иногда не хватало. Мы четверо стали лучшими друзьями, преданными, неразлучными друзьями. Мы вместе занимались живописью, дружно, что было сил; груды картин росли, росли, но нам очень редко удавалось что-нибудь продать. Мы замечательно проводили вместе время. Но, боже мой, как мы временами нуждались!

Так продолжалось немного больше двух лет. Наконец, в один прекрасный день Клод заявил:

— Ребята, мы дошли до точки. Вы это понимаете? До точки! Все забастовали, против нас создана целая лига. Я обошел всю деревню, и дело обстоит именно так, как я говорю. Они отказываются предоставить нам дополнительный кредит хотя бы на один сантим, пока мы не разделаемся со всеми старыми долгами.

Мы похолодели. Наши лица были полны смятения. Мы сознавали, что наше положение отчаянное. Наступило томительное молчание. Наконец, Милле проговорил со вздохом:

— Мне ничего не приходит в голову, ничего. Предложите что-нибудь, ребята.

Ответа не было, если не считать за ответ мрачное молчание. Карл встал и нервно заходил по комнате, затем сказал:

— Позор! Взгляните на эти картины. Груды картин, ничем не уступающих всем, что пишутся в Европе и притом любым художником, на выбор. Да ведь многие посторонние говорили то же самое или почти то же самое.

— Но они ведь не покупали наших картин, — сказал Милле.

— Неважно, но они это говорили; к тому же так оно и есть. Взгляните на картину Милле «Вечерний звон». Пусть кто-нибудь скажет...

— Но, Карл. Мой «Вечерний звон»! Ведь мне за него предлагали 5 франков.

— Когда?

— Кто предлагал?

— Где он?

— Почему же ты не взял?

— Послушайте, не говорите все сразу. Я думал, что он даст больше, я был уверен: такой уж у него был вид, — и я запросил 8 франков.

— Ну, и что же?

— Он сказал, что зайдет в другой раз.

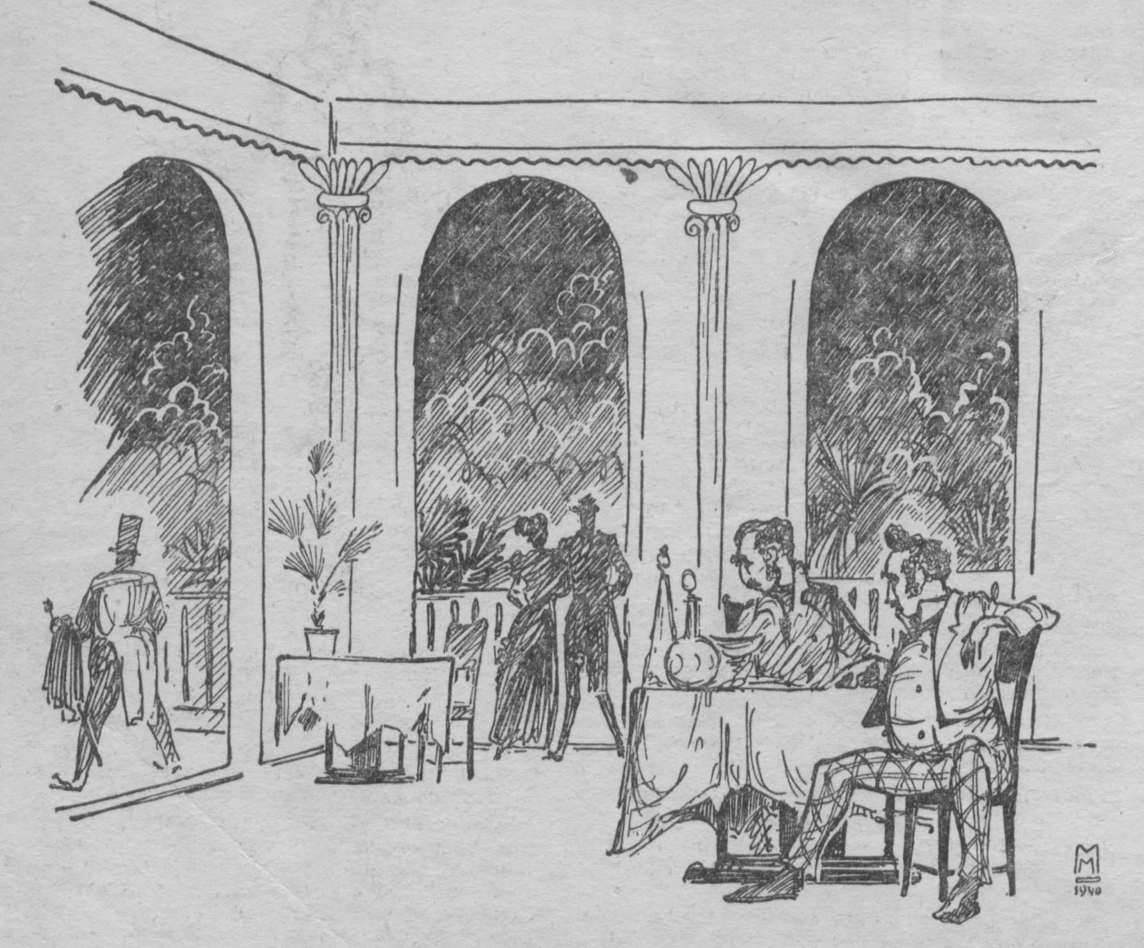
— Гром и молния! Послушай, Франсуа...

— Ах, я знаю, я знаю. Это была ошибка, я остался в дураках. Ребята, ведь я хотел, чтобы было лучше. Вы не станете отрицать этого, а я...

— Да, да, разумеется. Мы знаем это, господь с тобой, милый. Но смотри, в следующий раз будь умнее.

— Это я-то? Эх, если бы кто-нибудь явился сейчас и предложил мне за нее кочан капусты. Вот бы вы посмотрели.

— Кочан капусты! Ох, не говори таких слов, у меня слюнки текут. Говори о менее мучительных вещах.

— Живо! Взгляните на человека, который выходит сейчас в ту дверь...

— Ребята, — сказал Карл. — Разве эти картины лишены достоинства? Ответьте мне.

— Нет.

— Разве они не отличаются большими, бесспорными достоинствами? Ответьте мне.

— Да.

— Столь большими и бесспорными, что если бы они были подписаны знаменитым художником, они бы продавались по баснословным ценам. Не так ли?

...Клод заявил:— Ребята, мы дошли до точки...

— Конечно, так. Никто в этом и не сомневается.

— Но — без шуток – не так ли это?

— Конечно, так, мы не шутим. Но что же из этого? Какое это имеет отношение к нам?

— А вот какое, товарищи. Мы подпишем их именем знаменитого художника.

Оживленные разговоры смолкли. Все лица недоуменно повернулись к Карлу. Это еще что за загадка? Где же взять напрокат это знаменитое имя? И кто позаимствует его?

Карл присел и заговорил:

— Вот что. Я предлагаю вполне серьезную вещь. Думаю, что это единственный способ избавить нас от богадельни, и я убежден, что способ этот верный. Свое мнение я основываю на многочисленных и давно уже установленных фактах из истории человечества. Я считаю, что мой план даст всем нам возможность разбогатеть.

— Разбогатеть? Ты сошел с ума!

— Нет, не сошел.

— Да, сошел, сошел с ума. Что ты называешь разбогатеть?

— Сто тысяч франков на брата.

— Он и в самом деле сошел с ума. Я так и знал!

— Да, да, Карл, лишения оказались не под силу тебе, и ты...

— Карл, тебе нужно принять пилюлю и немедленно лечь в постель.

— Заткнитесь, — сказал Милле с напускной строгостью. — Дайте ему высказаться. Карл, излагай свой план. В чем дело?

— Ну, что же. Прежде всего попрошу вас заметить следующий факт из истории человечества: достоинства очень многих великих людей из мира искусств признавались лишь после того, как эти люди всю жизнь бедствовали и умирали в бедности. Это — настолько частое явление, что я взял на себя смелость вывести некий закон. Вот он: достоинства всякого великого неизвестного и непризнанного художника должны и могут получить признание, а картины его будут продаваться за большие деньги лишь после его смерти. Мой план таков: мы должны бросить жребий; одному из нас надо умереть.

Эти слова были произнесены столь спокойно и были так неожиданны, что мы чуть не забыли подскочить от удивления. Снова последовал целый поток медицинских советов, предназначенных для спасения рассудка Карла. Но он терпеливо ждал, пока не уляжется наше буйное веселье, а затем снова принялся излагать свой план:

— Да, одному из нас надо умереть, чтобы спасти остальных и себя самого. Мы бросим жребий. Тот, на кого он падет, станет знаменитостью, а мы все — богатыми. Тише, тише, не прерывайте. Говорю вам: я знаю, что я говорю. Вот в чем суть. В течение следующих трех месяцев тот, кому суждено умереть, будет работать не покладая рук, всемерно увеличивая свои запасы — но не картинами, нет, а черновыми набросками, эскизами, этюдами, — причем все они должны быть снабжены **его подписью**. Пусть он их пишет по пятьдесят штук в день, но так, чтобы каждая вещь наглядно отражала какой-нибудь свойственный ему прием или особенность. Вы знаете, что именно такие вещи хорошо продаются и приобретаются по баснословным ценам музеями всего мира уже после смерти великого человека. Мы заготовим целую тонну — тонну! А в это время остальные должны будут активно поддерживать «умирающего» и «обрабатывать» торговцев картинами, так сказать, подготовка к грядущим событиям, понятно? А когда все будет налажено и устроено, мы преподнесем им факт его смерти и устроим пышные похороны. Понятно?

— Не-ет, то есть не совсем по...

— Не совсем? Неужели не понятно? Ведь ему не надо умирать в действительности. Он просто переменит фамилию и исчезнет. Мы похороним вместо него восковую куклу и поплачем над ней при деятельном участии всего света. А я...

Но ему не дали закончить. Все разразились бешеными аплодисментами, все вскочили и забегали по комнате, обнимая друг друга в порыве радости и благодарности. Часами мы обсуждали этот замечательный план, не ощущая даже голода, и, наконец, когда все детали были уточнены ко всеобщему удовольствию, мы бросили жребий. Жребий пал на Милле. Ему суждено было «умереть». Затем мы собрали все те вещи, с которыми люди расстаются, лишь когда ставят все на карту, в счет будущих богатств: фамильные сувениры и тому подобное, — и заложили их, собрав немного денег на скромный прощальный ужин и завтрак; мы оставили несколько франков на нашу поездку и на запас репы для Милле, чтобы он мог питаться ею хоть несколько дней.

Ранним утром следующего дня мы трое пустились в путь сразу после завтрака, разумеется, пешком. У каждого из нас была дюжина картин Милле, которые мы и собирались продавать. Карл направился в Париж, где он должен был начать создавать Милле славу, в предвкушении великого дня. Клод и я должны были расстаться и странствовать по Франции.

Вы, наверно, удивитесь, узнав, как все шло гладко и хорошо. Я путешествовал пешком два дня, прежде чем занялся делом. Начал я с наброска особняка на окраине большого города, благо на балконе я заметил самого владельца. Он спустился посмотреть на мою работу, как я и рассчитывал. Я работал быстро, желая поддержать его интерес. Временами он испускал легкий звук одобрения, а затем в восхищении заговорил, заявив, что я мастер своего дела.

Я отложил кисть, полез в сумку, достал картину Милле, показал ему подпись в углу и гордо произнес:

— Надеюсь, вы узнаете **это**? Так вот, он меня и научил писать. Надо думать, что я свое дело знаю.

У него был виновато-смущенный вид, и он молчал. Тогда я с грустью заявил:

— Неужели вы хотите дать мне понять, что вам неизвестна подпись Франсуа Милле?

Разумеется, эта подпись была ему неизвестна, но все же он был преисполнен благодарности, что ему так легко удалось выйти из неудобного положения. Он сказал:

— Ах, конечно, ну да, это картина Милле. Просто не понимаю, что это со мной случилось. Конечно, узнаю!

Он тут же изъявил желание купить ее. Но я ответил, что хотя я и небогат, все же я не настолько беден. Однако подконец я уступил ему картину за 800 франков.

— Восемьсот!

— Да. Милле продал бы ее за свиную котлету. Да. За эту мелочь я получил 800 франков. Если бы я только мог сейчас приобрести ее вновь за 80 тысяч франков! Но это время прошло... Я нарисовал очень милую картинку дома этого человека и хотел предложить ему ее за 10 франков, но, поскольку я был учеником такого мастера, я продал ее за 100 франков. А 800 франков я немедленно отослал Милле и на следующий день снова пустился в путь.

Но на этот раз я уже не шел пешком. Я поехал в экипаже. И с того самого момента я только и делал, что разъезжал. Каждый день я продавал по картине и никогда не пытался продать две сразу. Я неизменно заявлял покупателю:

— Я глупо делаю, что вообще продаю картину Франсуа Милле, ибо ему осталось жить каких-нибудь три месяца, а когда он умрет, их нельзя будет купить ни за какие деньги.

Я тщательно распространял эти слухи, где только можно, подготовляя мир к сему событию.

Метод продажи картин — моя личная заслуга. Это я предложил его в тот последний вечер, когда мы разрабатывали план кампании, причем мы все трое решили как следует испытать этот метод, прежде чем заменить его каким-либо другим. Мы успешно применили его все трое. Я путешествовал пешком всего лишь два дня. Клод — тоже два, ибо мы оба боялись начать прославлять Милле в непосредственной близости от его дома. Но Карл шел всего лишь полдня —

— Заткнитесь,— сказал Милле с напускной строгостью.— Дайте ему высказаться. Карл, излагай свой план...

умный, бессовестный хитрец! — после чего он путешествовал, как граф.

Временами мы договаривались с редактором провинциальной газетки и помещали заметку, но не о том, что появился новый художник, а заметку, дающую понять, что Франсуа Милле известен всем и каждому. Мы не расхваливали его, а лишь мельком сообщали о состоянии здоровья мастера; иногда выражали надежду, а иногда — и

скорбь, но неизменно мрачно намекали на роковую развязку. Эти заметки мы всегда отчеркивали и рассылали всем, кто приобретал у нас картины Милле.

Карл быстро добрался до Парижа и рьяно взялся за дело. Он подружился с иностранными журналистами, и сведения о здоровье Милле проникли в Англию и распространились во всей Европе, в Америке, везде и всюду.

По истечении 6 недель мы трое встретились в Париже, объявили перерыв и перестали посылать к Милле за дополнительными запасами картин. Дела шли настолько блестяще, все было настолько удачно подготовлено, что мы понимали, как важно сейчас же, не медля, приступить к развязке. Итак, мы написали Милле, чтобы он ложился в постель и начинал поскорее умирать, ибо желательно было, чтобы он умер в течение ближайших 10 дней, если только он успеет уложиться в этот срок.

Затем мы подвели итоги и выяснили, что мы трое продали 85 небольших картин и этюдов, заработав на этом 69 тысяч франков. Последнюю и самую блестящую сделку провел Карл. Он продал «Вечерний звон» за 22 тысячи франков. Как мы восхваляли его за это! Могли ли мы предвидеть, что настанет день, когда Франция будет бороться за обладание этой картиной, а некий иностранец завладеет ею за 550 тысяч франков наличными?

В тот вечер мы устроили пышный ужин с шампанским, а на следующий день Клод и я уложили чемоданы и отправились к Милле, чтобы облегчить ему последние дни его жизни, а также, чтобы держать любопытных подальше от его дома; каждый день мы посылали Карлу в Париж сводки о состоянии здоровья Милле для опубликования в газетах всего мира, к сведению всех заинтересованных. Наконец, наступил печальный конец, причем Карл подоспел как раз вовремя, чтобы помочь нам с организацией похорон.

Вы помните эти торжественные похороны и какой шум они произвели во всем мире; как знаменитости со всех концов земли явились засвидетельствовать свою печаль. Мы четверо — все еще неразлучные — несли гроб, отказываясь от всякой помощи. На этот счет у нас были свои соображения, поскольку в гробу лежала лишь восковая фигура, так что всякий, кто бы стал помогать нести, немедленно обнаружил бы, что тут что-то неблагополучно. Да, а наша прежняя четверка, любовно и дружно делившая все лишения в те прежние тяжелые времена, несла гроб и...

— Какая же четверка?

— Наша четверка, поскольку Милле помогал нести свой собственный гроб. Конечно, он был переодет. Переодет родственником, дальним родственником.

— Поразительно!

— Но, тем не менее, факт. Ну-с, вы помните, как его картины поднялись в цене? Деньги! Мы не знали, куда их девать. В Париже есть человек, у которого имеется 70 картин Милле. Он заплатил за них 2 миллиона! А что касается бесчисленных эскизов и этюдов, которые Милле изготовлял в таких больших количествах за шесть недель наших путешествий, вы бы просто удивились, узнав, почем они продаются сейчас, конечно, в тех случаях, когда мы согласны продать хоть один из них.

— Поразительная история, прямо поразительная.

— Да, вот какая история!

— А что же произошло с Милле?

— А вы умеете хранить тайны?

— Умею.

— Помните того человека, на которого я обратил сегодня ваше внимание в ресторане? Это и был Франсуа Милле.

— Великий...

— Боже! Да, да. На этот раз, ввиде исключения, гений не был доведен до голодной смерти, чтобы потом следуемое ему вознаграждение попало в карманы другим. Песнь этой птички певчей не осталась неуслышанной, ей не дали погибнуть, вознаградив затем холодной пышностью богатых похорон. Уж об этом позаботились мы!

Перевела с английского
ЕЛЕНА ШЛОСБЕРГ.

Алмазы, добытые в 1939 году (увеличение в 10 раз).

К. Григорьев

СОВЕТСКИЕ АЛМАЗЫ

Красивейший из драгоценных камней, самый твердый из минералов — алмаз — применяется в разнообразнейших отраслях промышленности: алмазы употребляются в горном деле, при бурении самых твердых пород грунта, для резания стекол, гравирования на стали и т. д.

Основную массу алмазов дает Африка, и лишь 10—15% добычи их падает на Индию, Бразилию, Австралию. Число стран, вывозящих алмазы, невелико — это Франция, Бельгия, Великобритания, Бразилия.

Весь мировой алмазный рынок фактически держит в своих руках концерн «Даймонд-корпорэйшен», искусственно регулирующий добычу алмазов и цены на них.

Из года в год Советскому Союзу приходится затрачивать миллионы рублей на покупку алмазов для технических целей, в то время как на территории нашей необъятной родины находятся месторождения алмазов. Однако до последнего времени россыпи их не были исследованы и изучены.

Первый алмаз в России был найден в 1829 году старателем одного из уральских золотых приисков. Отдельные алмазы продолжали попадаться и в последующие годы. Все они были обнаружены лишь случайно, при добыче золота, платины и различных драгоценных камней. Всего за 110 лет в различных местностях Урала было найдено 250 алмазов.

Хотя уральские алмазы, по общему мнению, были очень высокого качества, однако владетели промыслов не хотели тратить денег на разведку. Ничего не сделало для этого и царское правительство.

В дореволюционное время многие геологи считали, что алмазы на Урале попадаются случайно и добыча их — дело нерентабельное.

Изучение алмазных богатств Урала началось лишь при советской власти. Но в первые годы поисковые работы не дали желанных результатов. Причиной этого было, однако, не отсутствие алмазов, а лишь неопытность в разведке и поисках алмазных пород.

В последние годы Геологическое управление повело широкую работу по исследованию недр нашей страны. В число первоочередных задач была включена и разведка алмазных месторождений.

Были подготовлены кадры специалистов, детально разработана методика и освоены нужные приборы (часть из них была сконструирована Геологическим институтом в Ленинграде и Всесоюзным институтом минерального сырья в Москве).

Весной 1938 года на Урал отправились разведывательные экспедиции. Работать пришлось в крайне тяжелых условиях. Большинство алмазных россыпей лежит в дикой тайге, в ста и более километрах от железнодорожного пути. При бездорожье большие трудности представляла переброска оборудования с одного пункта на другой. Нелегко было и снабжать работавших.

Все же в 1938 году были обследованы места прежних находок алмазов и обнаружены три новых точки. Участникам экспедиции удалось установить, что алмазы находятся в определенных геологических образованиях, расположенных вдоль западного склона Уральских гор.

Благодаря этому работа пошла увереннее и дала большие результаты: в летние месяцы 1939 года было обнаружено пять новых алмазных участков, могущих иметь крупное промышленное значение.

Найденные за последние два года на Урале алмазы очень высокого качества. Среди них попадаются камни весом в полтора и даже два карата.

Произведенные изыскания говорят о том, что недра Урала, кроме прочих богатств, содержат алмазы и в ближайшие годы советская промышленность сможет получить столь нужные ей собственные алмазы.

Лагерь изыскательной экспедиции на берегу одной из уральских рек.

И. Экслер

БЕЛОВЕЖСКАЯ ЗУБРИЦА

Казимир Якубович, бедный безземельный крестьянин-белорусс из села Беловеж, получил работу: стал сторожем зубров Беловежской пущи. Дежурил он через день, сменяясь с другим сторожем—Андрианом Копчуком. Направляясь в лес к зверинцу, в котором жили шестнадцать зубров, брал он с собой медный охотничий рожок и узелок с краюхой ржаного хлеба, куском сала и двумя луковицами.

Новый сторож с удовольствием шагал по лесной тропинке. Он с раннего детства имел дело со скотиной — пас стадо коров у кулака,— и ухаживать за зубрами — дикими быками,— ему казалось, будет делом привычным. И действительно, идет он в лес только на пятое дежурство, а уже как будто неплохо узнал свою новую «скотину» — так любовно называл он порученных ему зверей. Сначала через отверстие в заборе насыпал Казимир в кормушки каждой семьи овес и морковь, потом, улучив минуту, когда звери были заняты у кормушек, перескакивал через крепкий забор в загоны, чтобы очистить их от обглоданных веток, брошенных им накануне.

В зеленом костюме егеря пущи шагал сторож по лесной дороге. Шел он быстро. Здесь неподалеку находилась усадьба пана надлесничего, которого он боялся встретить. Достаточно было не так ловко снять перед паном шапку, чтобы быть выгнанным со службы. Казимир Якубович знал также, что надлесничий лишил работы одного из сторожей только за то, что у одного из зубров оказалась царапина на ноге. А откуда может сторож знать, что делал этот дикий зверь, гуляющий по всей территории зверинца, занимающей 60 гектаров?..

— Каждый зубр стоит тысячи таких, как ты, полещуков! — кричал на сторожа пан надлесничий.

Стояли яркие майские дни. Снег уже давно сошел с полей, но здесь, в лесу, кое-где в оврагах и ямах еще виднелись белые пятна. Свежая трава пробивалась уже из земли, покрытой прелыми прошлогодними листьями. Запах нагретой солнцем хвои и острая свежесть, тянувшаяся от болотистых низин, бодрили сторожа. Местами в лесу было совсем темно, огромные, многовековые сосны тихо шумели своими вершинами. Вспомнил свое детство сторож. Вспомнил, что тогда в пуще было много зубров. Во время сенокоса или вывозки леса он видел их пасущимися на воле. Страшен был только «одинак» — отделившийся от стада старый и злой зубр. Такой нападал на людей.

...Вдали уже показался забор зверинца. А вот и входные ворота. Сторож вступил на покрытый опилками квадрат. Опилки эти пропитаны карболкой и дезинфицируют подошвы сапог, предохраняя таким образом зверинец от проникновения в него заразы. Затем спокойно и привычно ударил Казимир Якубович в висевший у ворот колокол, вызывая товарища, который должен был сдать ему дежурство. Обычно Андриан Копчук прогуливался у ворот, дожидаясь смены. А сегодня его почему-то не было видно.

Не откликался никто и на колокол.

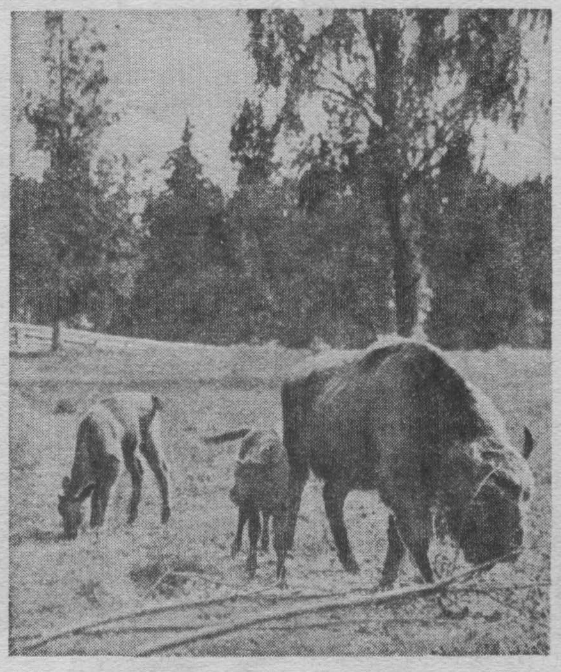
Казимир Якубович еще раз ударил в колокол. Медные звуки плыли меж вековых сосен, теряясь где-то далеко в лесу. Испуганный тетерев, неуклюже хлопая крыльями, пролетел над воротами. И снова все стихло...

Так прошло несколько минут. Наконец, где-то далеко послышался протяжный звук охотничьего рожка. Зверинец разделен на несколько загонов. Каждый загон предоставлен отдельной семье зубров. Наблюдать, что делается в загонах, можно, поднявшись на галерею, напоминающую трибуны бегов. Галерея находилась в узком коридоре, врезающемся в глубь зверинца. Звуки рожка Андриана Копчука неслись с галереи. «Значит,— думал в тревоге Казимир Якубович,— случилось что-то необычное».

Товарищ приближался к воротам.

— Случилось что? — спросил сквозь решотку двери Казимир Якубович.

— Во втором загоне корова пропала (сторожа пущи называют зубров быками, а зубриц — коровами).

Зубрица с детенышами.

Уголок Беловежской пущи.

— Когда ты это заметил?

— Вчера после обеда.

— В загон забирался?

— Забирался, когда бык и телята у кормушек заняты были... А идти дальше — боялся...

Казимир Якубович поднялся на галерею и стал пристально разглядывать второй загон. Но там не было ни одного зубра, они паслись где-то в глубине чащи. Забраться сейчас в загон опасно.

К обеду зубры, ломая ветви деревьев и кустарники, с треском и шумом стали продираться к приделанным к сараю кормушкам. Они ждали очередной порции овса и моркови.

Но старой зубрицы из второго загона среди них не было...

«Неужели ушла?» — подумал с тревогой сторож.

Засыпав через отверстия в стене сарая овес и морковь, Казимир Якубович воспользовался тем, что зубры поглощены едой, и незаметно перепрыгнул через забор. Прячась в кустах, на четвереньках стал он пробираться в глубь загона.

Скоро он скрылся в густой чаще.

Пройдя 10—15 минут по лишенной растительности сыроватой земле, он увидел между соснами след, очень похожий на коровий, только пятка была гораздо более вдавлена в почву и казалась круглее чем у коровы.

Это был след исчезнувшей зубрицы.

У молодого ельника увидел он и самую зубрицу: ее морду с чолкой сверху, выпуклые черные глаза, пышную гриву на короткой могучей шее и потом все ее массивное туловище.

Но что это шевелится в кустах рядом с зубрицей?

Пристально вглядывается сторож и вдруг видит маленького пепельносерого теленочка. Крошечный зубренок стоял у груди своей мамаши, под ее пышной и густой гривой, и отмахивался своим хвостиком от комаров...

От изумления Казимир Якубович неосторожно зашевелился. Затрещала ветка. Зубрица резко вскинула голову и, упорно глядя на сторожа, бросилась к нему, издавая звук, похожий на хрюканье кабана.

Казимир Якубович побежал от зубрицы что есть силы. Он слыхал, что лучший способ спастись от разъяренного зверя — взобраться на дерево. Но поблизости стояли только две вековых сосны... Он уже чувствует страшный треск сучьев позади себя. Вот впереди молодое дерево. Откуда только взялись сила и ловкость у сторожа! Обняв ствол, он карабкается по нему до первой ветви. Вцепившись руками в следующую ветвь, он заметил, как у самого дерева зашевелился кустарник. Затем показалась бурая, в плешинах, линявшая спина зубрицы.

Казимир Якубович совсем близко от себя увидел ее треугольную морду, впервые он увидел ее темносиние губы и такой же темносиний язык. Налитые кровью глаза блестели. От ярости зубрица тяжело сопела.

Повидимому, она решила, что у нее хотят похитить ее детеныша!..

Прошло пять минут, десять, пятнадцать. У сторожа, примостившегося на дереве, затекли руки. Но зубрица не уходила. Она продолжала стоять у самого ствола, яростно роя копытами землю и тяжело сопя...

Казалось, будто зубрица постепенно начала успокаиваться. Она стояла, отмахиваясь от комаров. Но от дерева не отходила...

Проходит целый час. Зубрица, кажется, уже совсем забыла, что загнала бедного сторожа на дерево: она отходит от него на несколько шагов, начинает даже щипать травку, листья кустарника. Но вот стоит только треснуть ветке, которую схватил рукой сидящий на дереве, уставший, трясущийся от страха сторож, как зубрица снова спешит напролом сквозь кусты к самому стволу.

Долго просидел на ветке сторож, пока не послышалось мычание зубренка: он испугался одиночества и звал к себе мамашу...

Зубрица сняла осаду...

Сторож увидел, как зубрица, осторожно подталкивая зубренка своей мордой, скрылась с ним вдали...

Выждав еще минут пятнадцать, напряженно вслушиваясь в вечернюю тишину леса, которую нарушал только стон покачивавшихся вековых сосен, Казимир Якубович осторожно спустился на землю.

Наутро, когда он отрапортовал начальнику зверинца о случившемся, тот только улыбнулся.

— Никогда этого не делай больше. Нельзя подходить к зубрице, когда у нее маленький зубренок. Такая зубрица тут не уступит в злости самым злым зубрам.

ПРАВО НА ОТДЫХ

Фотоочерк Г. Зельма и Н. Колли

Курорт Любень Великий, расположенный в живописной местности, имеет столетнюю давность. Его лечебные свойства поистине замечательны. Еще недавно этот курорт принадлежал польскому барону и обслуживание больных здесь делилось на три класса. Первый класс был доступен лишь знатной верхушке, а третий — малоимущим. Чтобы подчеркнуть это различие, в третьем классе вместо обычных ванн стояли деревянные лохани. Но, так же как бесследно исчез польский барон, так не осталось и следа от деления на разряды, не осталось и деревянных лоханей.

Веселые курортники гуляют по тенистому парку. Мы встретились со многими тружениками, впервые в жизни почувствовавшими, что такое забота о человеке.

Крестьянин-гуцул Ф. Ю. Гатеч (на снимке — слева) из далекого горного селения Микуличи, Станиславской области, рядом с ним колхозница сельскохозяйственной артели «Нове життя», Винницкой области, Л. К. Ролинская и дворник города Тарнополя И. М. Стасин; они лечатся и отдыхают на курорте Любень Великий.

↓

Целебные источники, пробивающиеся из глубины земли, подаются в грязелечебницу. Вода словно электричество пронизывает человека. Странно видеть в белоснежной ванне черную как чернила воду.

Столяр Тарнопольской мебельной фабрики Яков Качик под наблюдением врача Г. Н. Чвартацкого принимает первую лечебную ванну.

→

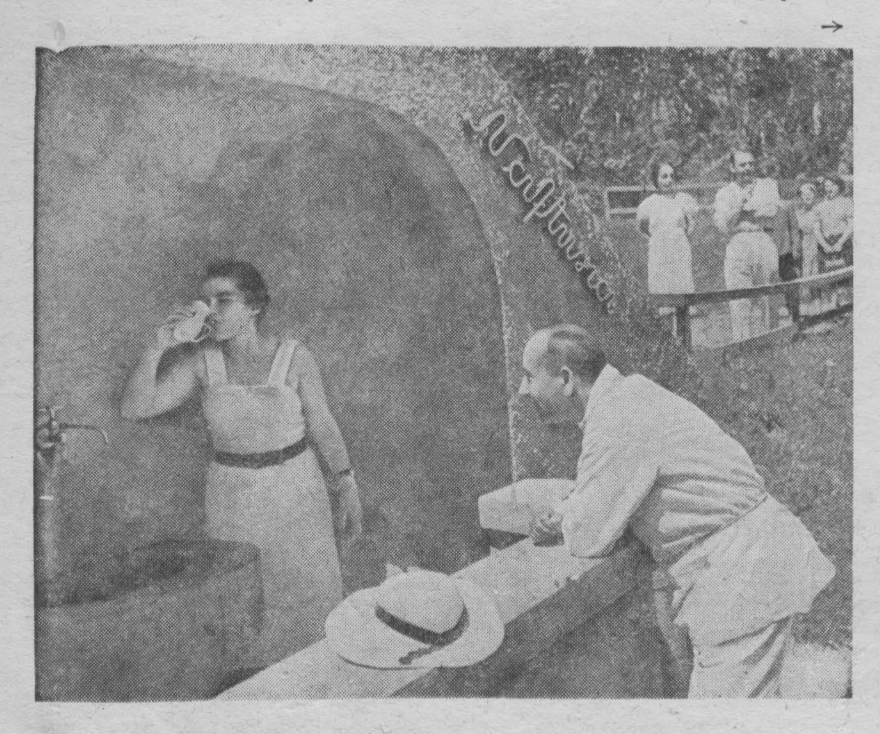
←

К вечеру отдыхающие собираются к беседке, расположенной в центре курорта, послушать музыку, повеселиться.

В вечерней тишине далеко-далеко разносятся слова знакомой песни: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...»

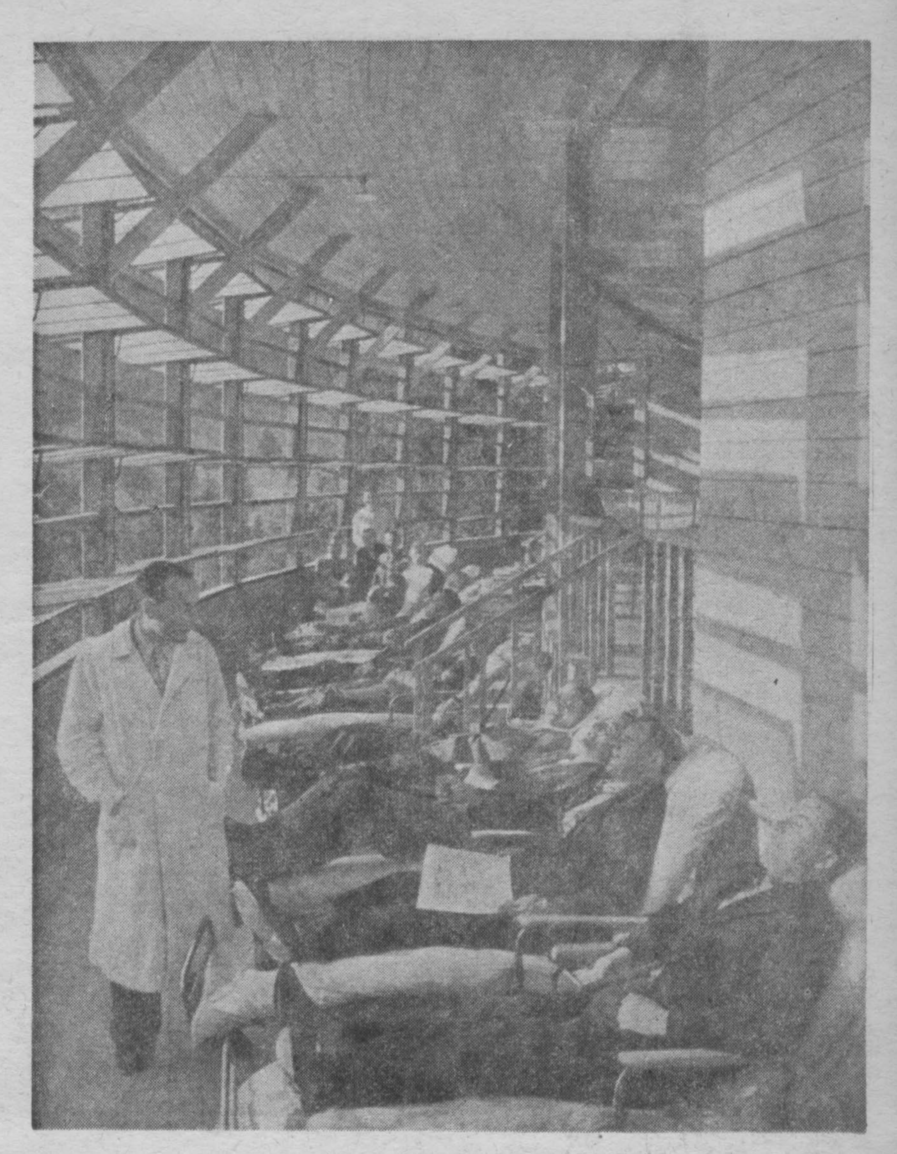
По долине горной реки Прут, на высоте полуторы тысячи метров над уровнем моря, раскинулись на десятки километров санатории курорта Яремче-Ворохта. Мягкий климат, без ветров, чистый воздух, богатый солнечными излучениями,— незаменимое лекарство, возвращающее силу и здоровье человеку.

Здравница в Ворохте приняла в этом году необычных курортников — трудящихся. Больные туберкулезного санатория принимают в аэрарии воздушные ванны. После многих лет изнурительного труда под панским гнетом они получили возможность восстановить свое здоровье. →

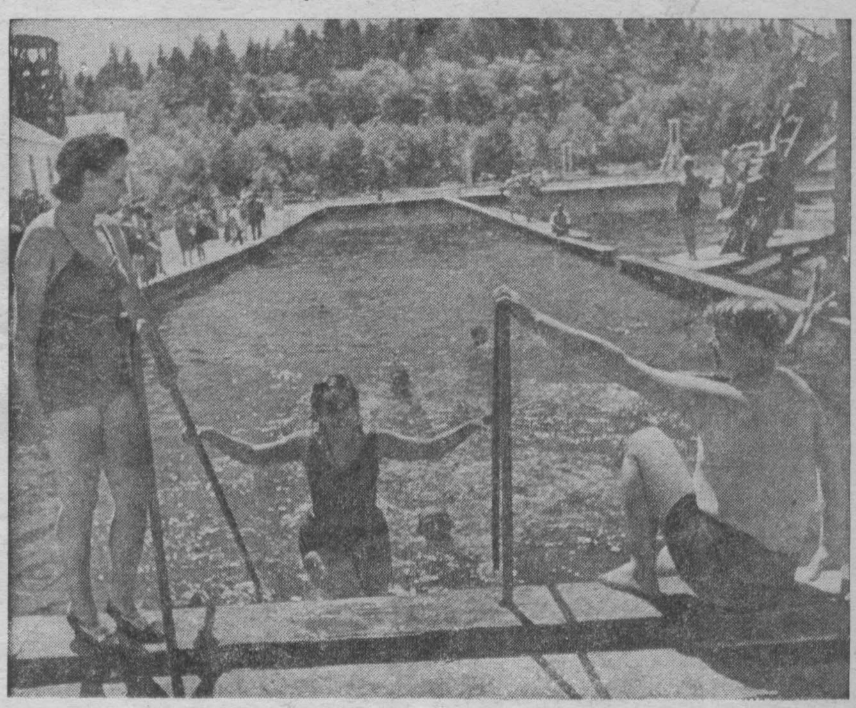

↑ После непродолжительного пути, с горной вершины открылась панорама курорта Трускавец, богатого минеральными источниками. Весь городок в зелени. Здесь отдыхают преимущественно желудочные больные.

← После лечебных процедур, обязательных для всех отдыхающих, «старички» расположились в удобных креслах, чтобы сразиться в шахматы, почитать газету, книжку или просто побеседовать.

↑ Водный бассейн и пляж, окруженные лесом, привлекают массу курортников, здесь всегда оживление. Тело, освеженное хрустально-чистой водой, надолго сохраняет приятную прохладу.

●

В горных ли санаториях Карпат, в долинах ли рек — везде, где имеются курорты, трудящиеся Западных областей Украины чувствуют на себе заботу и внимание. Они обрели свою подлинную родину.

Пожелаем отдыхающим здоровья и энергии для нового, творческого труда, новой, радостной жизни!

На родине Н. Е. Жуковского

Фотоочерк Е. Игнатович.

↑ Великий русский ученый Николай Егорович Жуковский (см. портрет в круге) родился 5 января 1847 года в деревне Орехове, Ивановской области. Здесь провел он свои детские годы, сюда приезжал он отдыхать летом, здесь было написано большинство его работ, создавших ему славу мирового ученого и положивших теоретические основы развития авиации.

С именем Н. Е. Жуковского неразрывно связано развитие советской авиации, и центры научной учебной работы авиации — ЦАГИ и Военно-воздушная академия РККА — с честью носят его имя.

Дом, в котором жил Николай Егорович, в настоящее время превращен в музей. Музей еще организуется, но некоторые залы уже открыты и привлекают посетителей из окрестных колхозов. Колхозники горячо любят и чтут память своего великого земляка. Созданный в деревне Орехове колхоз как и выстроенная здесь школа-десятилетка носят имя Н. Е. Жуковского. →

← Перед ореховским домом расположен небольшой пруд, сплошь покрытый плавающей на поверхности мелкой водорослью. На этом пруду Николай Егорович проводил опыты, сыгравшие немалую роль в создании им теории гидродинамики.

Посетители в одном из залов дома-музея Н. Е. Жуковского. →

Можно без преувеличения сказать, что вся русская авиация была создана и организована под руководством Николая Егоровича, принимавшего живейшее и притом руководящее участие во всех отраслях ее жизни: научной, экспериментальной, практической и организационно-общественной. Именно поэтому Владимир Ильич Ленин и назвал его «отцом русской авиации».

С. Гарин

КОСТЮМ ИЗ МОЛОКА

Фото Е. Пиотрковского

Немногим придет в голову, что из пяти килограммов творога, сыра или брынзы можно сделать шерстяной костюм, самый обыкновенный костюм, сшитый из темной ткани с чуть заметной изящной просновкой. Хороший, добротный материал. А вот еще целый ворох образцов самых различных шерстяных тканей: костюмных, для женских пальто, платьев. Разнообразные расцветки: синие, голубые, красные, коричневые, черные...

Вы спросите: «Но при чем же тут брынза?» Присутствовавшие на одном научном собрании тоже были удивлены, когда академик Сергей Степанович Перов, докладывавший о работе лаборатории белка, сказал:

— Из пяти килограммов сыра или брынзы я могу сделать хороший шерстяной костюм. Когда он износится, я снова превращу его в шерсть и получу свежую ткань...

И здесь же был продемонстрирован черный мужской костюм искусственной шерсти из казеина, то есть того белка, который является основой сыра и брынзы.

Изготовление искусственной шерсти из казеина — это пройденный этап научно-исследовательских работ лаборатории белка Академии наук СССР. Это уже разрешенная проблема. Превращение молочного продукта в шерсть происходит по строгому технологическому процессу.

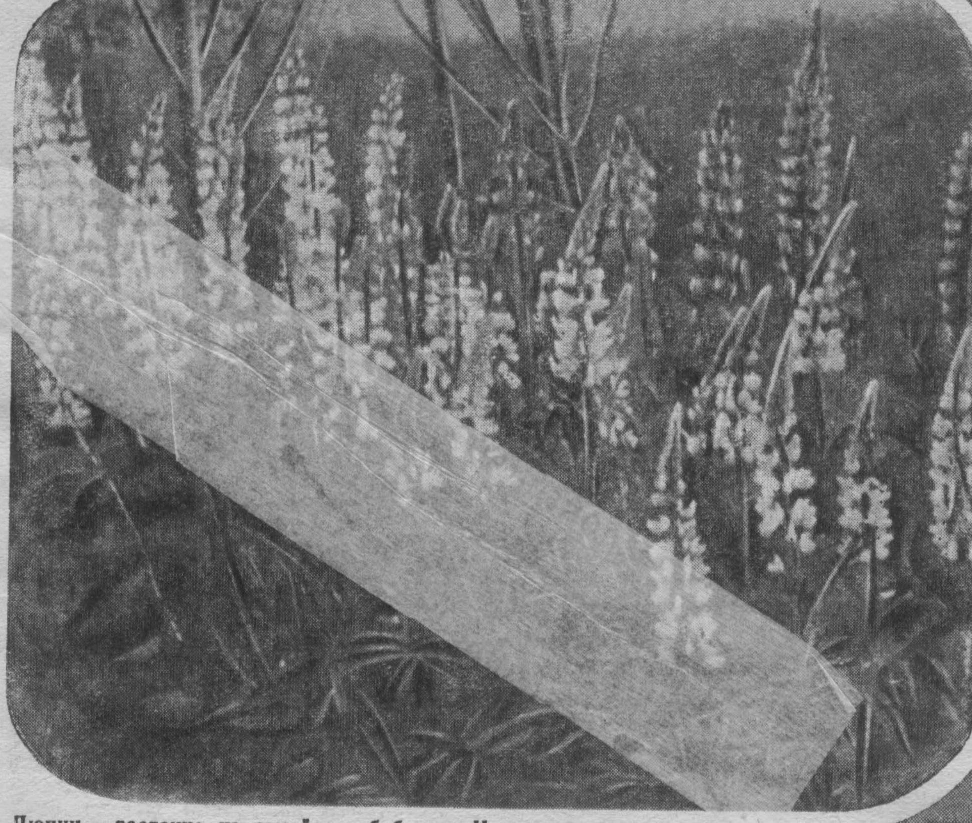
Отбросив в сторону все технические термины и не вдаваясь в подробности, коротко расскажем о производстве искусственной шерсти из казеина. Технология этого дела представится так: технический казеин (отход маслодельной промышленности) содержит белок с примесью золы, жира, воды и кислоты. Чем чище казеин, тем лучше он может быть использован для выработки искусственного волокна. Превращенный в порошок, казеин замачивается водой, растворяется в щелочах. Затем, подвергаясь различным обработкам, проходя через фильтр-прессы, полученная густая масса большой вязкости готова к прядению. Этот термин, заимствованный у текстильщиков, не имеет ничего общего с прядением на текстильных фабриках. «Прядут» казеиновый раствор в специальных фильтрах с большим количеством мелких отверстий, через которые проходит тонкая тягучая нить. Она попадает в осадочную ванну, где закрепляется в растворах из соли и серной кислоты. Для прочности волокно проходит процесс дубления в солях алюминия и других металлов, сушится, подготовляется для ткачества.

Искусственное волокно мало отличается от натурального. Прочность, эластичность, теплозащита отвечают строгим требованиям.

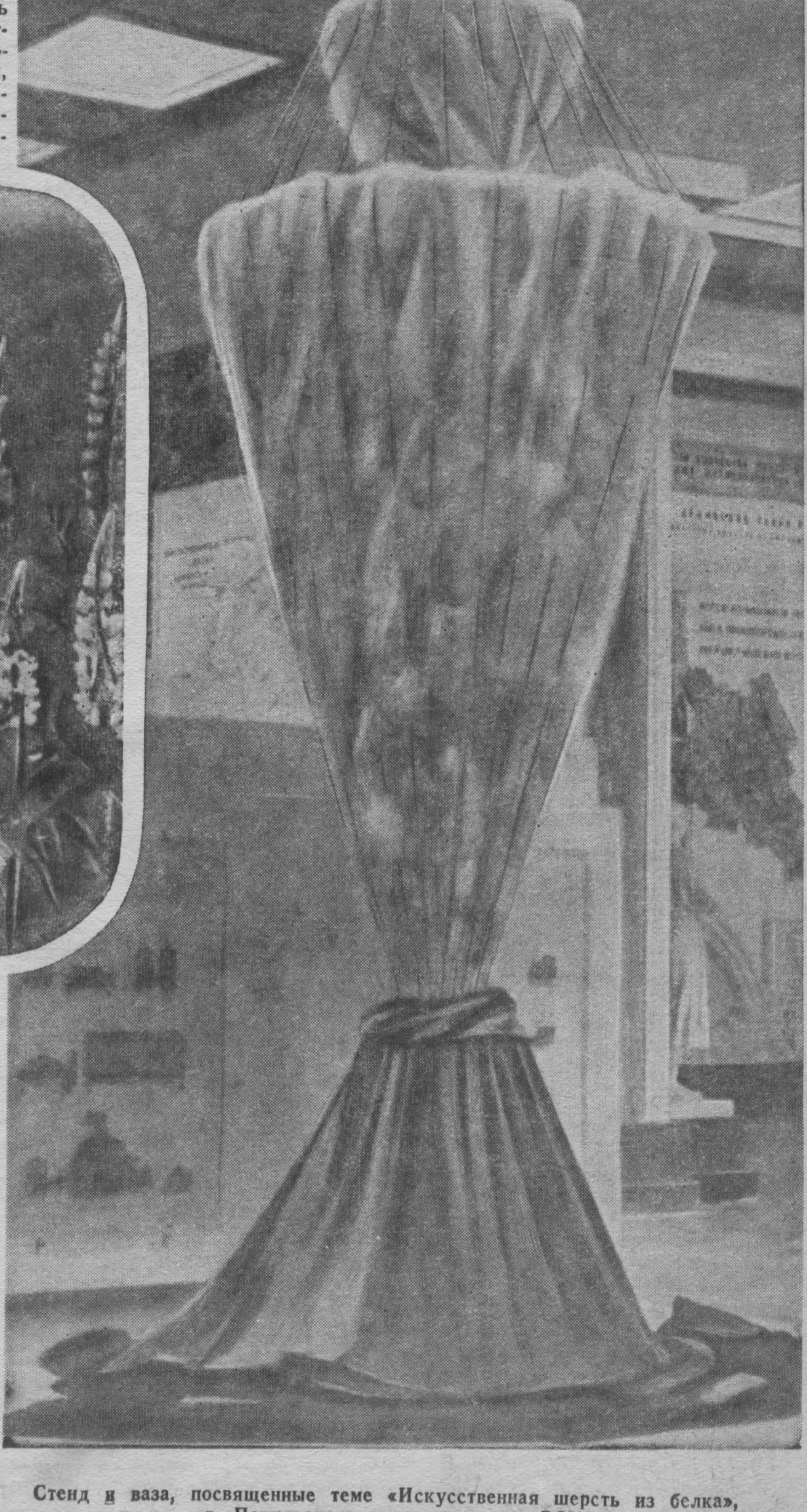
Лаборатория белка Академии наук СССР за последнее время в своей научно-исследовательской работе достигла еще больших возможностей. Ею приготовлено волокно из растительного белка, из того, что можно назвать казеином люпина — всем известного бобового растения. Волокно, получаемое подобным же способом, может служить материалом для изготовления тканей.

Это сулит еще бо́льшие перспективы для социалистического хозяйства, так как с одного гектара люпина при его средней урожайности 15—16 центнеров можно получить до 800 метров ткани.

Люпин — растение из семейства бобовых. Из семян люпина изготовляется белок, идущий на выработку искусственного волокна.
На снимке вверху справа: академик С. С. Перов за работой по выявлению физико-химических свойств белкового раствора, из которого производится искусственное волокно.

Стенд и ваза, посвященные теме «Искусственная шерсть из белка», в Павильоне животноводства на ВСХВ.

Виктор Эрманс.

На эстраде

Леонид Утесов со своим джазом.

Фото С. Шингарева

Лето — пора эстрадного искусства. Наряду с единственным постоянным, работающим круглый год Театром эстрады и миниатюр в летней Москве возникают десятки эстрадных площадок. Крупнейшие эстрадные коллективы показывают летом свои «премьеры», отдельные артисты приноравливают к лету новый репертуар. Когда на афишах появляется имя Л. О. Утесова, — значит летний эстрадный сезон в полном разгаре. Чем порадовал в этом году Л. О. Утесов? Главным образом замечательным исполнением старинного романса «Пара гнедых», которым еще в 70-х годах прошлого столетия блистал А. Д. Давыдов, артист оперетты «мага и волшебника» М. В. Лентовского, непревзойденный Антип в «Цыганских песнях в лицах».

К числу удач эстрадного сезона следует отнести выступления в новом репертуаре артистов Аркадия Райкина, Мирзоянц и Резцова, Дарского и Мирова, Корфа и Рудина и других.

На фоне классического салонного конферанса, наиболее ярким представителем которого является находчивый и остроумный Гаркави, очень редко появляются новаторы, пытающиеся раздвинуть рамки своего амплуа. Вот почему выступления Аркадия Райкина в качестве конферансье Эстрадного театра приносит нам большую радость, которую испытываешь всякий раз, когда отмечаешь новое, молодое, обещающее дарование.

Аркадию Райкину 28 лет. В его трудовом списке сравнительно немного записей: четыре года актерской работы в Театре имени Ленинского комсомола в Ленинграде и два года выступлений на эстраде. Конферирует Райкин оригинально, талантливо, скромно, даже чуть-чуть застенчиво. Худощавый, с подвижным лицом, Аркадий Райкин появляется в первый раз на просцениуме смущенным, собранным, настороженным. Заинтригованный зритель недоверчиво и сдержанно принимает первые реплики молодого конферансье. Но вот прошло 10—15 минут. Райкин рассказал две коротеньких смешных сценки, продемонстрировал интересный фокус, сыграл на рояле-лилипуте, блеснул рядом тонких и острых пародий на бестолкового докладчика, обывателя с «авоськой» и Чарли Чаплина — и зрительный зал рукоплещет. Райкин с удивительной быстротой меняет свое обличье и с завидной легкостью и милым лукавством в глазах перевоплощается.

Выступление джаза железнодорожников. На переднем плане артисты Н. Тиберг (слева) и М. Харитонов.

Фото А. Воротынского

Рядом с получившими всесоюзное признание Редель и Хрусталевым — они показывают сейчас новый танец, «На катке» — хочется поставить артистов балета Мирзоянц и Резцова. Молодые артисты подготовили оригинальный номер «Две семьи» (постановка балетмейстера Шаховской), выгодно выделяющийся среди эстрадного балетного репертуара своей идейной и художественной значимостью. В номере есть настоящая мысль: он тонко агитирует за чистоту нового быта, бросает вызов эстрадной рутине и балетному штампу. На сцене две семьи: буржуазная и советская. Для первой ребенок — тяжелая обуза, ненужный груз, причина раздоров. Для второй — радость и счастье. Буржуа не знает, как избавиться от младенца, грубо навязывая его один другому.

Советские родители, наоборот, не нарадуются на своего малыша, поочереди развлекая его смешными танцами. Мирзоянц и Резцов мастерски исполняют эту сценку, причем вторая часть ее, положительная, получается не бледнее, как это иногда бывает, а, напротив, ярче и увлекательнее первой, где фокстротирующая чета злобно перекидывает ребенка-обузу из рук в руки.

Жизнью исканий, новаторства и «открытий» живет первый и единственный московский ансамбль Госэстрады, руководителями и создателями которого являются молодые артисты Дарский и Миров. Весной 1937 года у них возникла мысль выступать вместе. Перед этим они оба служили в «Синей блузе», еще раньше — в драматических театрах. Дирекция «Аквариума» поддержала оригинальное предложение молодых артистов, и очень скоро на афишах Эстрадного театра этого сада появилась строчка «Конферансье Дарский и Миров». Дебютанты удачно «прошли» у зрителей и в прессе, которая приветствовала творческую инициативность и предприимчивость молодых артистов, попытавшихся внести в область конферанса что-то новое, свежее, свое.

Дарский и Миров нашли культурный и доходчивый стиль работы на просцениуме вдвоем. В резкой контрастности их фигур, характеров, дарований, манер, амплуа заключается главная причина их успеха и популярности. Сейчас Дарского и Мирова уже нельзя даже представить себе выступающими порознь.

В ансамбле Дарского и Мирова ряд интересных, талантливых артистов: Мария Донская, отец и сын Лаврентьевы, Т. Леман и С. Русанов, А. Мозговая и Э. Тараховский, М. Раскатов и другие. Последняя программа ансамбля — «Попытка — не пытка» — имела заслуженный успех в эстрадных театрах Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и Парка культуры и отдыха имени Горького.

Большим комическим дарованием, чувством эстрадного стиля и оригинальностью репертуара отмечены выступления Корфа и Рудина, исполнителей жанровых диалогов «Мечты и действительность», «Откровенный разговор», «Застольная песнь». В эстрадном театре «Эрмитажа» эти выдающиеся речевики-дуэтисты явились в полном смысле слова украшением второй, так называемой сборной программы. Сценку в мастерской мелкого ремонта под названием «Мечты и действительность» Корф и Рудин разыгрывают мягко, сдержанно, без трюков и «кренделей» и в то же время наредкость впечатляюще и уморительно смешно. Корфа-портного, пришивающего пуговицу и откусывающего воображаемую нитку, просто нельзя забыть: так выразителен жест и богата мимика!

В текущем летнем сезоне Московская эстрада гостеприимно предоставляет свои площадки артистам западных областей Украины и Белоруссии. Это белостокский джазгол под управлением композитора Юранд, Белостокский еврейский театр миниатюр и Государственный джаз БССР, руководимый трубачом-виртуозом Эдди Рознером, по праву называемым третьим трубачом мира.

Слева артист Миров, справа — Дарский в миниатюре «Старая Москва». Вверху: Нина Мирзоянц и Всеволод Резцов. Фрагмент из балетного номера «Две семьи». Справа: Аркадий Райкин в роли Чаплина.

Фото С. Шингарева

Дела международные...

Рис. Бор. Ефимова

от ХЕРСТА
ДЕЙЛИ МЕЙЛЬ
МОРНИНГ ПОСТ
РИЖСКИЕ ФАЛЬШИВКИ
РЕЙТЕР
ГАВАС
ДОМЕЙ-ЦУСИН
от ТАЙМСА

Убитые горем потребители антисоветской „Рижской утки“ отдают последний долг своей многолетней кормилице.

ГАЗЕТА
МЫ

Претендент на французский престол готов, на всякий случай, к переезду в Версальский дворец.

АНЖЕР
ПАРИЖ
ВАРШАВА

„Глава польского правительства“ Сикорский никак не может остановиться на достойной его резиденции...

ВЕЛИКИЙ ИСХОД. Зарубежная печать публикует материалы о бедствиях французских беженцев и о великом исходе населения из Парижа накануне оккупации его немцами. Описание этих дней, принадлежащее перу непосредственных участников бегства, представляет собой богатейший материал для литературы о второй империалистической войне и ее ужасах.

Ниже мы приводим отрывки из дневника одного из парижан, ехавшего в эти дни на автомобиле из столицы к Луаре.

«Автомобили походили на вьючных верблюдов,— говорится в дневнике.— Верх машин был облеплен нагроможденными в беспорядке матрацами, чемоданами, детскими колясками, велосипедами, складными стульями, запасными камерами, бидонами с горючим и разными другими вещами. Впереди — на радиаторе, влево и вправо — на крыльях, позади были привязаны корзины, ящики, мешки, набитые впопыхах всяким хламом, швейные машины, детские игрушки. Увозили с собой собак, кошек, клетки с птицей. Внутри машины, погребенные среди хаоса коробок и свертков, сидели люди. За два дня из Парижа бежало свыше двух миллионов людей.

Уже у Итальянских ворот в поток влилось не меньше сотни тысяч автомобилей. Они шли в десять—двенадцать рядов, двигаясь черепашьим шагом. За весь день, пустившись в путь на рассвете, мы сделали не больше 20 километров.

...В направлении от Парижа идут, перегоняя нас, сотни больших грузовиков, на которые погружены части демонтированных в спешке машин различных предприятий. Наших «вьючных верблюдов» попросту оттесняют в сторону или опрокидывают. Создается каша, и все движение парализуется. Спускается ночь.

Когда рассветает, начинается бессмысленная и беспорядочная езда вдоль и поперек, по проселочным дорогам, по полям и лугам, в направлении на Орлеан. Кажется, что мы толчемся в кругу, двигаясь то вперед, то назад. Когда удается выбиться на шоссе, оттуда гонят: идут безостановочно военные транспорты. В конце концов несколько сот машин, в том числе и наша, кое-как вырываются из адского круга, где всюду торчат матрацы и опрокинутые колесами вверх машины.

Едем по шоссе, окаймленному тополями. Оно ведет в Малерб, оттуда — к морю. Солнце жжет. Пищи на исходе, нет табаку, негде напиться. Ни на минуту нельзя сойти, чтобы размять ноги, нельзя выпустить руль из рук, хотя машина простаивает часами без движения. Незадачливый водитель, который не оказался бы на месте в момент, когда машины вновь получают возможность продвинуться на несколько десятков метров вперед, вытесняется в сторону; он и думать не может о дальнейшей езде. Тот, кто попытается втиснуться со стороны, рискует головой, либо ему перережут шины.

...Со всех направлений к нашему каравану присоединяются новые беженцы из деревень. Крестьянские повозки, запряженные волами и коровами, ручные тележки, пешеходы — все это спешит, бежит, спасается. С телег смотрят перепуганные насмерть дети, старухи, больные; вокруг нагромождены связки соломы и сена, мешки с мукой, стулья, шкафы, клетки с курами и кроликами, изображения святых. Сзади семенят привязанные к телегам козы, свиньи. Мужчины шагают рядом, суровые, сосредоточенные.

В воздухе стоит крик детей, слышатся стоны... Двенадцатилетняя девочка толкает перед собой тачку, в которой сидит старая, изможденная женщина. Плач матерей, потерявших своих ребят, тонет в гуле моторов, в вое собак, отбившихся от своих хозяев. Иссякают последние остатки горючего...»

Французские беженцы на испано-французской границе.

ВИКОНТ ЭЛИБЕНК ПИШЕТ ИСТОРИЮ. Английские реакционеры неустанно ведут кампанию против компартии, добиваясь ее запрещения, и требуют закрытия коммунистической газеты «Дейли уоркер», мужественно разоблачающей виновников войны.

Характерные прения происходили недавно по этому поводу в английской палате лордов. Лорд Ньютон обратился к правительству с запросом, предпринято ли уже что-либо против «Дейли уоркер». Особенно он обрушился на опубликованное в «Дейли уоркер» воззвание компартии, в котором коммунисты призывали к образованию народного правительства и к устранению из правительства всех представителей мюнхенской политики.

Виконт Элибенк поддержал запрос лорда Ньютона и требовал запрещения «Дейли уоркер». При этом он с глубокомысленным видом заявил, что во Франции коммунизм привел к военному разгрому.

Это смехотворное объяснение причин военного поражения Франции оказалось крайне неубедительным для некоторых членов верхней палаты, несмотря на их ненависть к коммунистам.

Так, один из них, лорд Страболджи, напомнил, что коммунистическая партия Франции с начала войны была запрещена. «Капитуляция Франции,— продолжал он,— была осуществлена не коммунистами, а маршалом Петэном, который является католиком и роялистом, католиком и роялистом генералом Вейганом, Лавалем, который поочередно побывал во всех партиях, но, безусловно, не был коммунистом, бывшим социалистом мэром Бордо Марке и Бодуэном, который является другом итальянских банкиров». Страболджи подчеркнул, что его партия не является защитницей коммунистов, но что нельзя фальсифицировать историю так, как это делает Элибенк.

Для утешения Элибенка и его единомышленников помощник военного министра лорд Крофт заявил, что правительство внимательно следит за «Дейли уоркер» и, в случае надобности, примет соответствующие меры.

ПОД ФЛАГОМ «ЭВАКУАЦИИ ДЕТЕЙ». Воздушные налеты германской авиации и угроза германского вторжения в Англию вынудили британское правительство поставить вопрос об эвакуации детей из Англии в США и колонии. Вначале все шло как будто хорошо. Был произведен учет детей, подлежащих эвакуации, беспрерывно печатались сообщения из колоний о готовности принять английских детей, министры делали успокоительные заверения в парламенте. Представитель комиссии по приему английских детей в США Роланд Робинсон заявил в печати, что к концу августа только в Америку будет эвакуировано 30 тысяч детей, а осенью их число достигнет 50 тысяч.

Вскоре, однако, обнаружилось, что «английские дети-беженцы», прибывшие в США, оказались исключительно детьми английских аристократов, крупнейших промышленников и банкиров. В качестве «беженцев» в Америку были эвакуированы маленькие кузины и кузены английского короля, дети министров: Идэна, Даффа Купера, Хор Белиша—и других представителей английской знати. Иностранные газеты сообщали, что под флагом «эвакуации детей» английские лорды вывозили в Америку своих рысистых лошадей, породистых собак и даже любимых канареек. Когда отправка этих «беженцев» была проведена, власти просто-напросто объявили, что дальнейшая эвакуация детей вообще прекращена: плавание в море, мол, небезопасно, а для охраны пароходов с детьми свободных военных судов не имеется...

Этот бесцеремонный цинизм вызвал широкое возмущение в Англии. Было ясно, что вся шумиха со «спасением детей от ужасов войны» была затеяна для того, чтобы дать возможность английской аристократии и капиталистам эвакуировать в безопасные места своих чад и домочадцев, свои конюшни, псарни, картинные галереи и коллекции фарфора. Дети же обыкновенных смертных были брошены на произвол случайностей войны; спасать их от воздушных бомбардировок или угрозы неприятельского вторжения английские власти не собирались.

Чтобы несколько успокоить негодующее общественное мнение, английское правительственное радио организовало выступление известного писателя и драматурга Д. Б. Пристли с объяснениями по этому вопросу. Однако Пристли нашел в себе достаточно политического мужества, чтобы отгородиться от действий английских лордов.

Пристли рассказал по радио, что он является отцом шестерых детей, из которых четверо подлежат эвакуации. «Однако я не стал бы,— заявил Пристли,— отправив своих детей в безопасные места, призывать других отцов, дети которых не эвакуированы, с энтузиазмом отдать все свои силы для защиты Англии». «Меня могут спросить,— продолжал Пристли,— почему же поступают иначе некоторые другие, успевшие эвакуировать своих детей?» Здесь Пристли глухо сослался на то, что, мол, они не знали, что дальнейшая эвакуация детей будет прекращена.

Таким образом, инициаторам выступления Пристли не удалось использовать автора «Опасного поворота» для того, чтобы повернуть общественное мнение страны в сторону от возмутительного ханжества, своекорыстия и жестокости капиталистических хозяев Англии.

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

ВОСЕМЬ ЧЕМПИОНОВ. Несколько вечеров подряд на сцене Зеленого театра Центрального парка культуры и отдыха в Москве раздавался гонг, были слышны звуки ударов, которыми обменивались бойцы, звучала отрывистая команда: «Секунданты, за ринг!», «Брек!», «Бой!»

Сильнейшие боксеры страны оспаривали звание чемпионов в восьми весовых категориях, начиная наилегчайшим весом (или, иначе, весом «мухи») и кончая тяжелым весом.

Немало захватывающих моментов увидели зрители во время боев. Бокс — спорт смелых, сильных людей. Бокс — это сила, выносливость, уменье быстро ориентироваться. Бокс приучает к расчетливости, учит самообладанию, воспитывает все качества, необходимые бойцу Красной Армии.

Незадолго до состязаний один из восьми новых чемпионов СССР по боксу, ленинградец Шеронин (легчайший вес), участник боев с белофиннами, был награжден орденом Красная звезда.

Из восьми прошлогодних чемпионов одному только полулегковесу Вартанову (Тбилиси) удалось снова завоевать это звание.

Некоторые боксеры—чемпионы страны — прибавили в весе и перешли в другую весовую категорию (Ксенофонтов, Огуренков, Ганыкин). Из них только бывшему легковесу Огуренкову удалось завоевать первенство в полусреднем весе.

Ганыкин испытал горечь поражения от ленинградца Загоруйченко, боксера смелого, техничного, обладающего сильным ударом.

Проиграл встречу с Новасардовым (Тбилиси) и популярный в стране боксер Королев (Москва). В свою очередь Новасардов проиграл новому чемпиону в тяжелом весе Беляеву (Ленинград).

В почетном списке чемпионов значатся также Сегалович (наилегчайший вес, Харьков), ветеран ринга легковес Иванов (Москва) и совсем еще молодой способный полутяжеловес Каци (Сталино).

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

В напряженной, острой борьбе протекал шахматный полуфинал 12-го первенства СССР в Киеве. По условиям турнира, шесть первых победителей получали право на участие в финале первенства. С первых туров лидерство захватил молодой львовский шахматист Э. Герстенфельд. Однако к концу турнира его догнал еще совсем юный ростовский мастер, семнадцатилетний школьник Марк Стольберг. В итоге интересной финальной борьбы оба они разделили первое и второе места, набрав по 10½ очков из 16 возможных. Отстав от них на пол-очка, третье место занял уже не раз проявлявший себя в крупных шахматных турнирах Бондаревский (Ростов).

Следующие четыре места разделили с равным количеством очков мастера: Дубинин (город Горький), Константинопольский (Киев), Рудаковский (РККА) и Алаторцев (Москва).

По условиям турнира, в финал выходит только шесть человек. Поэтому в отношении разделивших 4-е—7-е места была применена специальная таблица Бергера, учитывающая результаты каждого участника с занявшими первые места. Наихудшее положение по этой таблице у Алаторцева, и поэтому он не выходит в финал.

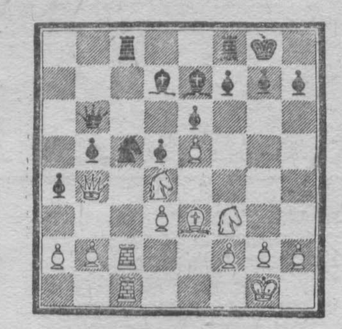
Победа Герстенфельда и Стольберга тем более приятна, что они являются самыми молодыми участниками турнира и представляют собой ярко выраженные шахматные индивидуальности.

Партии Герстенфельда наряду с интересными идеями содержат в себе образцы хорошей техники игры, тонкого понимания позиции. Игра Стольберга изобилует множеством замысловатых комбинаций, хитро расставленных ловушек.

Приводим образец своеобразной комбинационной трактовки позиции, весьма характерный для творчества Стольберга,— окончание его партии с Хавиным из этого турнира.

ХАВИН	СТОЛЬБЕРГ
1. ...	Лс8—с7

Стольберг отказывается от спокойных продолжений и

предпринимает жертву пешки с целью запутать игру.

2. Кd4 : е6	Фb6 : е6
3. Се3 : с5	Лf8—с8
4. Лс2—с3?	...

Нужно было сыграть 4. d3—d4, после чего связанность слона с5 нелегко использовать. Теперь же черные жертвуют вторую пешку и создают опасную для белых позицию, содержащую ряд красивых комбинаций.

4. ...	d5—d4!
5. Кf3 : d4	Фе6—h6!
6. h2—h3	...

Нельзя бить на е7 ввиду мата после 7. Ф : с1 +. На 7. Ке2 следует 7. ... С : с5 8. Л : с5 Ф : с1+! 9. К : с1 Л : с5 с выигрышем коня. Шансы на защиту сохраняло только 6. f2—f4.

6. ...	Лс7 : с5
7. Фb4 — а5	...

После 7. Л : с5 Ф : с1 + белые могут сдаться.

7. ...	Фh6 : с1 +
8. Лс3 : с1	Лс5 : с1 +
9. Крg1—h2	Се7—с5

Две ладьи и слон — слишком большая компенсация за ферзя. Спасти партию белым уже невозможно.

10. Кd4 : b5	Сс5 : f2
11. Кb5—d6	Сf2 — е3

Красивая заключительная комбинация.

12. Кd6 : с8	Се3 — f4 +
13. g2—g3	Лс1—с2 +
14. Крh2—g1	Сf4—е3 +
15. Крg1—f1	...

Иначе 15. ... Сс6 мат.

15. ...	Сd7 : h3 +
16. Крf1—е1	Се3—d2 +
17. Фа5 : d2	Лс2 : d2
18. Крe1 : d2	Сh3 : с8
19. Крd2—с3	g7—g5

Белые сдались.

КРОССВОРД

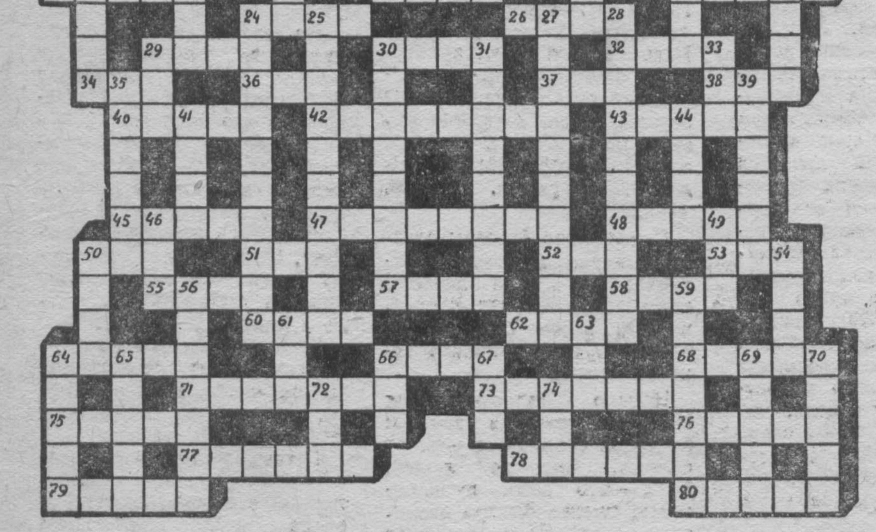
Составил читатель «Огонька» А. Г. Ракицкий

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Древнерусское название норманнов (скандинавов).
4. Ученый.
7. Брусок для точки бритв, ножей и пр.
9. Герой известного произведения Гёте.
11. Дерево с ядовитым соком.
14. Название оперы.
15. Лесные ягоды.
17. Начальник соединения военных кораблей.
19. Правый приток реки Сунжи.
21. Лекарственное растение.
22. Кухонный прибор.
24. Героиня в фильме «Чапаев».
26. Бревенчатое строение.
29. Французский писатель.
30. Французский физик.
32. Помост для бокса.
34. Насекомое.
36. Мужское имя.
37. Число.
38. Земельная мера.
40. Луговая растительность.
42. Прибор на подводной лодке.
43. Разновидность тюленей.
45. Герой произведения Тургенева.
47. Необработанное вещество, сырье.
48. Поддержка.
50. Значок спортсмена.
51. Река в Казахстане.
52. Неизвестная величина в алгебраическом уравнении.
53. Местоимение.
55. Водное сооружение.
57. Река в Швейцарии и Франции.
58. Пушной зверь.
60. Дорожное строение.
62. Шут.
64. Голосование.
66. Отходы бумаги в полиграфическом производстве.
68. Карета.
71. Одежда.
73. Болезнь.
75. Гостиная.
76. Река на Кавказе.
77. Член дипломатической миссии.
78. Деталь в механизме.
79. Змея.
80. Старинная мера для вина.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Жидкость.
2. Прибор в механике.
3. Химический процесс.
4. Верхняя часть лицевой стороны здания.
5. Хлопчатобумажная ткань.
6. Инструмент в горном деле.
8. Глаза.
10. Пища.
12. Приношение, подарок.
13. Ядовитая змея.
16. Озеро в Армении.
18. Известный металлограф.
20. Старинное наименование сохи.
23. Отдельный снимок на кинопленке.
24. Противоречие.
25. Соглашение со взаимными уступками.
27. Государственный строй.
28. Боевой корабль.
29. Вещество, употребляемое для осмоления судов.
30. Полоса водного пространства, глубина которого достаточна для пропуска судов.
31. Неприятное ощущение во рту.
33. Город во Франции.
35. Английский экономист XVIII века.
39. Дерево.
41. Город в Румынии.
44. Свиная голова.
46. Залив в Северном море.
49. Часть лица.
50. Французский композитор XIX века.
54. Правитель Иудеи в начале нашего летосчисления.
56. Напиток.
59. Капсюля для лекарств.
61. Женское имя.
63. Река в Якутии.
64. Время года.
65. Зимняя одежда.
66. Сельскохозяйственная работа.
67. Произведение Гоголя.
69. Укор; умысел.
70. Мужское имя.
72. Город в Югославии.
74. Французский физик.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 22 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Каракар. 6. Силикат. 10. Егоза. 11. Базаров. 12. Партнер. 13. Юкола. 16. Танкер. 18. Абу. 19. Ледник. 20. Титр. 21. Крит. 22. Жара. 25. Ага. 27. Кран. 29. Рана. 32. Саар. 34. Барак. 35. Конго. 36. Волос. 37. Крот. 39. Руан. 41. Кокс. 43. Ряд. 45. Акар. 48. Гало. 49. Енот. 51. Анилин. 52. Топ. 54. Дайрен. 55. Салон. 57. Токката. 58. Идеолог. 59. Гашиш. 60. Терраса. 61. Адвокат.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Каботаж. 2. Резонер. 3. Корвет. 4. Ревю. 5. Жолоб. 6. Сапа. 7. Лорнет. 8. Канонир. 9. Таракан. 14. Кара. 15. Лука. 17. Рион. 19. Липа. 23. Араго. 24. Аракс. 26. Гинея. 27. Крона. 28. Агора. 30. Акр. 31. Акт. 32. Сор. 33. Ава. 38. Оран. 40. Урод. 41. Квартет. 42. Клинкер. 43. Рота. 44. Депо. 46. Королек. 47. Ренегат. 48. Гитара. 50. Танеев. 53. Олеша. 55. Сага. 56. Ниша.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Тел. К 2-96-12, К 4-28-45. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова. Стат. формат 275×360 мм. ⅛ доля, 1½ бум. листа. Техредактор А. Котельникова.

Уполномоченный Главлита А—28866. Изд. № 823. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 4/VII—40 г. Подписано к печ. 3/VIII—40 г. Зак. 2284. Тираж 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Фабрика „МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ"
ВЫПУСТИЛА НОВЫЙ ПРЕПАРАТ

Крем «ЮНО»,

ИЗГОТОВЛЕННЫЙ НА ОБЛУЧЕННОМ ЛАНОЛИНЕ и ОБЛАДАЮЩИЙ СВОЙСТВАМИ ЖИДКОСТИ „ЛОСЬОН-ЮНО".

Крем «ЮНО» применяется также в качестве ночного жирного крема для питания кожи и при чрезмерной сухости ее вследствие частого мытья мылом (например у медперсонала, домохозяек и пр.).

Крем «ЮНО» оказывает благотворное влияние при дряблости кожи, на открытые поры и при экземе (особенно сухой). Действие его на кожу сказывается через 30—40 минут после первого применения в усиленном приливе крови к коже, придавая ей мягкость, бархатистость и повышенную упругость.

Крем «ЮНО» имеет приятный запах, быстро всасывается и успешно применяется при жирной и особенно сухой коже.

Крем «ЮНО» быстро освежает и успокаивает раздражение кожи после бритья.

Крем «ЮНО» применяется очень просто. Способ употребления приложен к каждой коробке.

●

В ПРОДАЖЕ ИМЕЕТСЯ ТАКЖЕ ЖИДКОСТЬ

«ЛОСЬОН-ЮНО»,

незаменимое средство для ухода за кожей, содержащее активизированный ультрафиолетовыми лучами ланолин.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ и МАГАЗИНАХ САНГИГИЕНЫ.
МОСКВА, 133, Калужская застава, «МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ».

ЛЫЖНУЮ МАЗЬ

ВЫРАБАТЫВАЕТ и ВЫПУСКАЕТ
фабрика „МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ"
всех номеров, **для МЯГКОГО и МОКРОГО СНЕГА, для СРЕДНИХ и СИЛЬНЫХ МОРОЗОВ.**

Лыжная мазь изготовляется по рецепту заслуженного мастера спорта Н. М. Васильева.

ЗАЯВКИ И ЗАКАЗЫ ШЛИТЕ: Москва, 133, Калужская застава, тел. В 2-27-48, В 2-17-82, фабрика «Мосхимобъединение».

С ИНДИВИДУАЛЬНЫМИ ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ: Москва, Коровий вал, д. 3, Ленинский показательный универмаг НКТ, Центральный универмаг НКТорга СССР, Петровка, 2, и магазин «Динамо», ул. Кирова, 17.

Граждане,

продавайте негодные вышедшие из употребления предметы хозяйственного и домашнего обихода из цветных металлов: **САМОВАРЫ, ЧАЙНИКИ, ПРИМУСЫ, КАСТРЮЛИ и ДР.**

ЛОМ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ ПОКУПАЕТ ЧЕРЕЗ СВОИХ АГЕНТОВ и ПАЛАТОЧНУЮ СЕТЬ-

трест „ВТОРЦВЕТМЕТ"

А ТАКЖЕ ПАЛАТКИ СОЮЗУТИЛЯ, ПРОМКООПЕРАЦИИ и ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ

НАГАТИНСКОЕ ШОССЕ
Д.9,КВ.5
БАРАНОВУ П.В.
Огонек
Цена 50 коп.